

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 11-01-00277*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 15-01-16029д*

П68 **«Права человека и империи»: В. А. Маклаков – М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг.** / Сост., вступ. статья и примеч. О. В. Будницкого. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 1143 с.: ил. – (Русские сокровища Гумановской башни).

ISBN 978-5-8243-2002-2

В настоящем издании публикуется переписка Василия Маклакова (1869–1957) адвоката, члена ЦК партии кадетов, депутата 2–4-й Государственных дум, посла Временного правительства во Франции, а затем главы Офиса по делам русских беженцев в Париже, и Марка Алданова (1886–1957), одного из самых популярных писателей Русского зарубежья, за 1929–1957 годы. Переписка сохранилась в архиве Гумановского института при Стэнфордском университете (Калифорния) и в Бахметевском архиве при Колумбийском университете (Нью-Йорк). Переписка содержит сведения о спорах в эмигрантской среде по вопросу об отношении к советской власти, к власовскому движению и к проблеме коллаборационизма в целом, о деятельности различных эмигрантских послевоенных политических организаций, о выдающихся деятелях эмиграции – И. А. Бунине, А. Ф. Керенском, С. П. Мельгунове, Б. И. Николаевском и многих других. Маклаков и Алданов обсуждали проблему соотношения прав личности и государства – «прав человека и империи», особенности жанра исторического романа, вопрос о случайности и закономерности в истории. Ценность переписки заключается не только в том, что это замечательный источник по истории русской политической мысли XX столетия, по истории и культуре русской эмиграции, русской литературы. Переписка – блестящий образец эпистолярного жанра.

Публикация может быть полезна преподавателям и исследователям русской истории и литературы XX столетия, студентам, а также интересна более широкому кругу читателей.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2002-2

© Будницкий О. В., составление, вступительная статья и примечания, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

В.А. МАКЛАКОВ И М.А. АЛДАНОВ: ПОЛИТИКА И ЛИТЕРАТУРА

Василия Алексеевича Маклакова (1869–1957) и Марка Александровича Алданова (псевдоним, настоящая фамилия Ландау) (1886–1957) вряд ли нужно представлять специалистам. Впрочем, Алданов, один из лучших русских исторических романистов XX столетия, не нуждается как будто в специальном представлении и более широкой публике.

Маклаков стал заметной общественной фигурой еще в России – прославленный адвокат, один из лучших ораторов России, видный деятель партии кадетов, находившийся на ее правом фланге, депутат Государственной думы трех созывов, публицист. В 1917 г. он был назначен послом во Францию, прибыл в страну назначения на следующий день после большевистского переворота и в Россию уже больше не вернулся. Он не успел вручить верительные грамоты, но признавался послом де факто. В период Гражданской войны он занимался дипломатическим и материальным обеспечением Белого движения, а после ее окончания – преимущественно помощью русским беженцам. В связи с признанием Францией СССР в 1924 г. Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренелль. Он стал главой Офиса по делам русских беженцев при французском МИДе и председателем Эмигрантского комитета. Был «парижским губернатором», по остроумному замечанию П.Н. Милокова, до конца своих дней. Много писал: опубликовал четыре мемуарные книги, множество статей – на русском и французском языках¹.

Алданов, химик по образованию и народный социалист по политической принадлежности, «состоялся» в эмиграции. Начинаящий и практически неизвестный литератор в России, он стал одним из грандов эмигрантской литературы. Алданов принадлежал к немногим писателям «русского зарубежья», которые могли жить литературным трудом. Исторические романы Алданова пользовались огромной популярностью, были переведены на многие языки. Его близкий друг И.А. Бунин шесть раз выдвигал Алданова на Нобелевскую премию². Его художественные произведения, так же как очерки и портреты (лучшее,

принадлежащее его перу), неоднократно переиздавались в постсоветской России; вышло по меньшей мере три собрания его сочинений³. Между тем мало кому известно, что Алданов до конца дней оставался верным «партийному знамени», участвовал в политической жизни русской эмиграции и, во всяком случае, в обсуждении текущих политических проблем и эмигрантских начинаний. Делалось это непублично, при личных встречах и в переписке. Полагаю, что будет нелишним уделить внимание именно этой, остававшейся в тени, грани его жизни и деятельности.

Алданов: писатель как политик, 1918–1940

В исследовательской литературе Алданов, как правило, «проходит» «по ведомству» истории литературы. Между тем в эмиграции он оказался по причине политических, а не эстетических расхождений с советской властью, принимал довольно активное участие в политической деятельности и от своей партийной принадлежности – Алданов был народным социалистом – не отказывался. Собственно, профессиональным литератором он стал уже в эмиграции.

В России Алданов был заметным деятелем Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). В январе 1918 г. в Петрограде по инициативе известного юриста А.С. Зарудного, в недавнем прошлом министра юстиции Временного правительства, состоялось собрание ЦК и Петроградского комитета ТНСП. Зарудный выступил с докладом, в котором обосновывал необходимость признания советской власти. С содокладом выступил Алданов; он был категорически против признания. Подавляющее большинство собравшихся разделяли взгляды Алданова. Оставшись практически в одиночестве, Зарудный вышел из партии⁴.

Осенью 1918 г. Алданов выезжал за границу в качестве секретаря делегации Союза возрождения России⁵, антибольшевистской организации, объединявшей в основном представителей социалистических партий. Окончательно (как выяснилось впоследствии) Алданов покинул Россию вместе со своей будущей женой Татьяной Зайцевой 4 апреля 1919 г. на пароходе, шедшем из Одессы в Константинополь. В Константинополе они пробыли около пяти недель в ожидании французской визы, затем направились в Марсель, а оттуда – в Париж. В Париже, за исключением берлинского периода 1922–1924 гг., Алданов прожил до 1940 г. Несмотря на то что литература стала его основным занятием, Алданов «не терял связи с партией». Когда в мае 1920 г. в Париже был создан Заграничный комитет ТНСП, он вошел в состав его Исполнительного бюро вместе с Л.М. Брамсоном и А.А. Титовым. Председателем Заграничного комитета был избран

знаменитый в прошлом революционер-народник, а в годы Гражданской войны глава антибольшевистского архангельского правительства Н.В. Чайковский. Алданов регулярно принимал участие в заседаниях Заграничного комитета, затем Парижского комитета ТНСП. В феврале 1927 г. он был избран в состав Заграничного партийного бюро, причем если председатели Парижского комитета и Пражской группы партии вошли в состав бюро по должности, то третий член бюро избирался голосованием пражской, берлинской и парижской групп энесов. Алданов получил большинство голосов⁶.

Группы энесов за границей были немногочисленны, общая численность сравнительно активных членов партии не превышала трех десятков человек. К 1940 г. функционировала только парижская группа, прекратившая свою и без того едва заметную деятельность в связи с оккупацией нацистами Франции. В то же время некоторые энесы играли довольно заметную роль в политической, общественной, литературной и научной жизни эмиграции. Кроме упомянутых выше назову А.С. Альперина, Р.М. Бланка, А.Ф. Изюмова, Е.А. Ляцкого, С.П. Мельгунова, В.А. Мякотина, Д.М. Одица, А.Б. Петрищева, Т.И. Полнера, Е.А. Фальковского. Объяснялось это, впрочем, не их партийной принадлежностью, а профессиональными и личными качествами.

В 1920–1930-е гг. круг общения, круг дружеских и профессиональных связей Алданова существенно расширяется. Он работал в «Днях» при редакторе А.Ф. Керенском, постоянно сотрудничал в «Последних новостях» и «Современных записках». Главным его делом, конечно, была литература; не будем забывать, однако, что Алданов был не только романистом – он был политическим писателем. Его очерки и портреты, регулярно печатавшиеся на страницах периодики и выходявшие затем отдельными книгами, нередко были посвящены весьма актуальным политическим проблемам (даже если носили исторический характер), а его характеристики современных политических деятелей, от Сталина до Гитлера, отличались не только точностью, но и проницательностью. Перечитайте сейчас «портреты» Сталина (1927), Гитлера (1932) или Черчилля (1932) и сравните с последующей карьерой этих деятелей. Нетрудно заметить, сколь многое и сколь точно предсказано Алдановым.

Не вдаваясь в анализ литературных и личных отношений Алданова с писателями, что выходит за пределы нашей задачи, отметим, сколь широки и разнообразны его политические связи и дружбы. По четвергам Алданов завтракает у Эжена и Софьи Григорьевны Пети. С.Г. Пети – урожденная Балаховская, киевлянка, как и Алданов. Муж Софьи Григорьевны, Эжен Пети, – французский дипломат и политический деятель, русофил, именуемый в русских кругах Евгением Юльевичем.

Среди постоянных участников завтраков – А.Ф. Керенский, А.И. Гучков, М.В. Бернацкий, И.П. Демидов, В.А. Маклаков, В.М. Зензинов, И.И. Фондаминский, во время наездов в Париж бывают И.А. Бунин, П.Б. Струве, В.В. Набоков-Сирин⁷.

Особенно сближается Алданов с одним из участников завтраков – «московским златоустом» В.А. Маклаковым. Иногда, о чем-то не спорив, Маклаков и Алданов, хотя и живут в одном городе, обмениваются письмами, чтобы разъяснить друг другу свою позицию.

Еще одна линия сближения Маклакова и Алданова – масонская. Оба входили в русские ложи «Свободная Россия» и «Северная Звезда», причем были их членами-основателями, и в «Державный капитул Северная Звезда», в который входили русские масоны 18-й степени «Великого Востока Франции»⁸. Масонские ложи, влияние которых на судьбоносные события российской истории иногда усматривали даже серьезные исследователи, были не более чем клубами, где можно было поговорить без лишних глаз и ушей, иногда чем-то вроде обществ взаимопомощи. Во всяком случае, если речь идет о масонских ложах эмигрантского периода.

Вторая мировая война и русская эмиграция

Вторая мировая война нанесла тяжелый удар по русской эмиграции, включая ее неофициальную политическую и культурную столицу – Париж. После оккупации Франции в 1940–1941 гг. за океан выехала значительная часть эмигрантской либерально-демократической интеллектуальной элиты, имевшей реальные основания опасаться за свою жизнь и свободу. Эмиграция, и ранее не отличавшаяся единством, оказалась в годы войны расколота еще в большей степени – значительная ее часть поддержала нацистов, рассматривая Гитлера как освободителя России от большевистского ига. Среди тех, кто в той или иной форме сотрудничал с нацистами или открыто высказывался в их поддержку, оказались не только крайне правые политики и публицисты, но и вполне уважаемые фигуры русского Парижа, такие как танцовщик и коллекционер Серж Лифарь, писатели Иван Шмелев, Илья Сургучев и Зинаида Гиппиус, художник и историк искусства Александр Бенуа, философ Борис Вышеславцев. Список далеко не исчерпывающий. Другая часть политически активной эмиграции стояла на оборонческих позициях, если не позабыв, то на время спрятав свои разногласия с советской властью. Немало эмигрантов приняли участие в движении Сопротивления. Однако на виду были коллаборационисты, и для многих французов белый эмигрант (ибо для обычных французов, не слишком разбиравшихся в тонкостях эмигрантской политики, все эмигранты были белыми) и коллаборационист стали едва ли не синонимами.

Маклаков: Париж, 1940–1945

Принято считать, что германскую ориентацию приняла правая, реакционная, часть эмиграции; в основном это верно, однако определенные колебания проявляли и некоторые из эмигрантов, которых принято относить к либерально-демократическому спектру сообщества русских изгнанников.

Во Франции руководителем русских воинских объединений нацистами был назначен генерал Н.Н. Головин, видный военный историк и теоретик, возглавлявший высшие военные курсы РОВС в Париже. После нападения Германии на СССР митрополит Серафим обратился ко всем «верным сынам России» с тем, чтобы «верные сыны» помогли германским войскам очистить русскую землю от «масонской звезды и серпа и молота». Не удивительно, что оккупационные власти объявили о признании только администрации Серафима, специально оговорив, что не признают «промосковского» митрополита Евлогия⁹.

Многие видные деятели эмиграции успели бежать из Парижа накануне его захвата немцами и обосновались на юге Франции, в зоне, контролируемой правительством Виши. Среди них были П.Н. Милоков, А.В. Тыркова вместе с семьей ее сына А.А. Бормана; некоторым счастливым удалось получить американские визы и уехать в США, в том числе тем, с кем Маклаков постоянно общался в Париже, – М.А. Алданову, А.И. Коновалову, В.М. Зензинову, А.Ф. Керенскому и другим.

В июне 1940 г. Маклаков отказался покинуть Париж; как глава Офиса по делам русских беженцев, он счел необходимым остаться на посту¹⁰.

Однако, как нетрудно было представить заранее, оккупационные власти отнеслись к либералу и масону Маклакову с подозрением. Впрочем, руки до него у властей дошли не сразу. 28 августа 1940 г. были распущены все иностранные организации в оккупированной зоне. Среди них – около 800 русских культурных, образовательных и иных организаций. Офиса Маклакова это не коснулось, однако оккупанты его просто игнорировали. Конечно, проблема русских эмигрантов во Франции волновала их далеко не в первую очередь, что позволило Маклакову продолжить свою, в данных условиях почти совершенно неэффективную, деятельность. Он пытался искать защиты интересов русских изгнанников у правительства Виши и даже обратился с личным письмом к его главе маршалу Ф. Петену. Ответа не последовало.

Тем временем у него появился «конкурент», князь Михаил Горчаков, внук канцлера А.М. Горчакова, предложивший Маклакову разделить функции таким образом, чтобы князь ведал сношениями с немцами, а бывший посол – всем остальным. Горчаков ссылался на желание оккупантов иметь дело именно с ним, но, возможно, это была его собственная инициатива. Горчаков, первый претендент на роль фюрера

русской эмиграции, монархист и человек крайне правых убеждений, заявил, что он организовал новый «комитет» по своей собственной инициативе; по его словам, он платил за наем помещения для комитета, в котором он восседал под портретами Николая II и Гитлера, из своих собственных средств. Поверить в «самочинность» возникновения его комитета трудно. Несомненно, что до определенного времени он устраивал германские оккупационные власти; и если его прямая связь с гестапо и не прослеживается, то тесное взаимодействие с немецкой организацией, занимавшейся вербовкой рабочей силы в Германию, очевидна. Собственно, «трудоустройство» эмигрантов, многие из которых действительно оказались без работы, было, похоже, главной задачей горчаковской организации. Правда, князь также старался вызволять из беды соотечественников, попавших по той или иной причине в руки немецкой или французской полиции. Через несколько месяцев князь был немцами смещен, скорее всего, по причине своей эксцентричности, граничившей с ненормальностью. Даже если сделать скидку на ангажированность мемуаристов-«возвращенцев» Л.Д. Любимова и Б.Н. Александровского, общавшихся с Горчаковым, особенности поведения князя, которые они рисуют, наводят на мысли о неадекватном восприятии им окружающего мира¹¹.

В апреле 1941 г. гитлеровцы поручили некоему полковнику Владимиру Карловичу Модраху, ничем особенным себя ранее на политической арене не проявившему, за исключением пронацистских симпатий, организовать комитет взаимопомощи русских беженцев во Франции. Задачей комитета была, разумеется, не помощь, а прежде всего контроль и привлечение, если потребуется, эмигрантов на службу германским властям. Все эмигранты должны были пройти регистрацию в комитете, причем регистрирующимся после начала войны Германии против СССР предлагали заполнить анкету, завершавшуюся следующим примечательным текстом: «Я, нижеподписавшийся, изъявляю свое добровольное желание принять действенное участие в борьбе, начатой Германской империей в СССР против жидовско-коммунистической власти. Я заявляю, что готов вести эту борьбу в любой ее отрасли и на любом посту, указанном мне представителями национал-социалистической Германии»¹². Желающих, несмотря на недвусмысленные угрозы, нашлось немного.

Однако уже в июле Модрах был смещен его заместителем, неким Юрием (Георгием) Сергеевичем Жеребковым. Это был относительно молодой человек, в 1941 г. ему исполнилось 33 года. Он был внуком одного из флигель-адъютантов Николая II, натурализованным германским гражданином. По слухам, ранее он был профессиональным танцором. Своим назначением Жеребков был обязан тесным связям с гестапо и, возможно, дружбе с Альфредом Розенбергом.

25 июля 1941 г. около 250 видных эмигрантов были собраны для того, чтобы, не выражая одобрения или тем более несогласия, выслушать декларацию новоявленного «гаулейтера». Жеребков заявил, что будущее принадлежит Германии, а с большевизмом, несомненно, будет покончено. Он сказал также, что знает немцев, что особенно важно, так как они теперь будут определять судьбу России. Выступление Жеребкова, названное «официальным сообщением», было выпущено в виде листовки и распространено среди эмигрантов. Среди прочего «гаулейтер» говорил: «Я молю Господа, чтобы он дал сил и здоровья тому человеку, который поднял крестовый поход против поработителей нашей Родины. Боже, спаси и сохрани Фюрера Адольфа Хитлера, Вождя не только немецкого народа, но и всех тех, кто отдали и отдадут себя на борьбу за новую счастливую Европу! ...Я лично молю Всевышнего о даровании победы немецким войскам...»¹³

Теперь эмигранты должны были пройти новую регистрацию в жеребковском комитете, причем их лояльность должны были засвидетельствовать два поручителя. Такое же требование было предъявлено Маклакову. Его Офис в сложившейся ситуации начинал играть все более декоративную роль, а в январе 1942 г. правительство Виши формально упразднило представительские функции Маклакова. Тем не менее Маклаков Офиса не закрыл, а некоторые эмигранты предпочитали иметь дело с ним, а не с нацистскими ставленниками.

Как впоследствии признавался сам Маклаков, поначалу он верил в победу Германии. Разгром Польши и Франции, слабость, проявленная СССР в войне с Финляндией, «чудодейственное» усиление Германии с 1918 г. привели его к мысли, что и Англия, и Советский Союз не устоят. Однако он не сделался «германофилом», как кое-кто из эмигрантов. Маклаков начал сблизиться с людьми, которые, как и он, желали поражения Германии; многие из них все же верили в победу Советской России; во всяком случае, все они делали ставку на ее победу. «Это тогда вовсе не предreshало отношения к ней; помню, – вспоминал впоследствии Маклаков, – я полшутя сказал, что если теперь приедет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели». Шутка оказалась пророческой. Пока же Маклаков считал необходимым зафиксировать на бумаге суждение членов постепенно образовавшейся вокруг него группы о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии и что эмигранты должны Советской России в этом содействовать, «нисколько не меняя своего отношения к советской власти». Маклаковым эти рассуждения были оформлены в семи пунктах¹⁴.

28 апреля 1942 г. Маклаков был арестован; были арестованы и сотрудники его Офиса. Оккупанты хотели продемонстрировать, «кто в Париже хозяин», и пресечь не санкционированную ими деятельность

маклаковского Офиса. После девяти с половиной недель заключения в парижской тюрьме Санте в июле 1942 г. Маклаков и его сотрудники были освобождены¹⁵. Бумага с «семью тезисами» Маклакова осталась лежать в шкафу. На следующий день после ареста кто-то из его окружения, знавший об их существовании, отыскал и уничтожил листок¹⁶.

Нацисты и их русские и французские прислужники хотели продемонстрировать, «кто есть кто» и подчеркнуть, что недавний председатель Эмигрантского комитета и глава Офиса по делам русских беженцев в глазах новых властей фигура подозрительная и что эмигрантская иерархия изменилась окончательно. Возможно, одной из дополнительных причин ареста послужило масонство Маклакова; во всяком случае, о принадлежности к масонству его допрашивали в тюрьме французские следователи (по словам Маклакова, с немцами в тюрьме он не сталкивался, только с коллаборационистами). После освобождения нацисты взяли у Маклакова подписку, что он прекратит выполнять функции главы Эмигрантского комитета, а также не будет заниматься какой-либо политической деятельностью¹⁷. Ему предписали уехать на несколько месяцев из Парижа. Маклаков провел их в деревне у барона Б.Э. Нольде; здесь он написал обдуманную в тюрьме книгу о Второй думе¹⁸.

Впоследствии он писал Алданову, что эта книга – его слабость, и он ею очень дорожит. «Я ее сочинял, т. е. обдумывал, когда сидел в тюрьме и не знал, выйду ли оттуда живым. Было много времени думать, было полезно сосредотачивать мысль, чтобы чем-нибудь ее занимать, и, наконец, в этих условиях мысль работает честнее»¹⁹.

В годы войны Маклаков не только был «оборонцем», готовым в условиях войны с нацистской Германией закрыть глаза на прежние преступления советской власти, точнее, поверить в ее эволюцию. Кроме того, он требовал от эмигрантов соблюдения лояльности Франции, которая давала им приют на протяжении двух десятилетий. Лояльности в отношении Франции Маклаков, по словам Г.В. Адамовича, «требовал категорически, и резко разрывал с людьми, которые были, по его мнению, в этом смысле не на высоте, – особенно, если это были люди известные, просвещенные, а не сбитые с толку эмигранты. В те времена такие разрывы, – публичные, у всех на виду, доходившие до отказа подать руку, – бывали далеко не безопасны, но Маклакова это не останавливало»²⁰. Разумеется, речь шла не о той Франции, которая «коллаборировала» с нацистами.

Вряд ли сопротивление Маклакова и его «группы» нацистам и их пособникам выходило за пределы идейного противостояния. Ему ведь было уже за семьдесят, и он почти ничего не слышал. Американский слуховой аппарат появился у Маклакова только после окончания войны. Но, во всяком случае, после освобождения Маклакова из тюрь-

мы он и его единомышленники связались с силами Сопротивления и, вероятно, оказывали его участникам определенное содействие. Но главным их делом, несомненно, была антинацистская пропаганда в эмигрантской среде. По свидетельству П.А. Берлина, «они делали все, что от них зависит, чтобы противодействовать прогитлеровским настроениям в русской эмиграции и оказывать поддержку жертвам немецких преследований». С двумя членами группы, А.С. Альпериным и И.А. Кривошеинным, Берлин был связан общей работой по укрывательству евреев²¹. Деятельность группы не осталась незамеченной. Один из ее членов, И.А. Кривошеин, сын бывшего царского министра А.В. Кривошеина, был арестован. Маклаков значился в списке подлежащих увозу в Германию в случае приближения войск союзников. Однако наступление союзников было столь стремительным, что до престарелого либерала руки у нацистов не дошли²².

Маклаков, который всегда отказывался от роли «вождя» эмиграции, ссылаясь на свое особое положение ходатая по делам всех эмигрантов, независимо от их политических взглядов, едва ли не впервые попытался сформулировать программу, вокруг которой могла объединиться патриотически настроенная часть эмиграции. Эта программа, напечатанная в виде листовки в июне 1944 г. от имени «группы действия» русских эмигрантов, судя по основным мыслям и стилю, написана им самим или при его ближайшем участии. Вероятно, она во многом повторяла семь пунктов, сформулированных Маклаковым весной 1942 г., запись которых была уничтожена после его ареста.

В листовке эмиграция призывалась «определить свое отношение к происходящему» и «продумать до конца смысл событий, не смущаясь тем, что это должно привести к пересмотру позиций, ранее занятых ею в отношении советской власти и революции». «Новый курс» Маклакова и его единомышленников был сформулирован в виде восьми тезисов, жестко увязанных друг с другом. Эти тезисы важны для понимания логики последующих поступков Маклакова и его взглядов послевоенного времени.

1. В первом пункте четко определялось, что, «когда в 1941 году обнаружилось, что Германия вторглась в Россию для захвата у нее лучших пространств по праву “избранной расы”, для патриотически настроенной эмиграции содействие Германии становилось изменой России». Отношение к войне раскололо эмиграцию на две непримиримые части. Одна пошла с Германией и, в силу того что могла проявить себя открыто, создала иллюзию своей многочисленности. Это незаслуженно бросало «позорную тень» на всю эмиграцию, ибо «большая ее часть, несмотря ни на что, оставалась с Россией». Она понимала, что победа в войне «может укрепить советскую власть, но сознательно предпочитала это успеху Германии», так как «владычество большевиков за 26 лет

не уничтожило Великой России, как это могла бы надолго сделать победа Германии».

Однако такой выбор поставил патриотически настроенных эмигрантов «по одну сторону баррикады с советской властью».

2. «Эмиграция должна признать ошибочность своих опасений, что советский режим убьет в народе патриотизм и гражданственность и этим подготовит его к добровольному подчинению иностранцам. Война опровергла эти опасения: Россия оказалась жива и национально здорова. Русский народ поднялся на защиту своей родины и своей обороной напомнил лучшие страницы русской истории. Иностранцам завоевателям он предпочел свою, фактически управляющую Россией, власть. Вместе с нею он отстоял свою родину против ее внешних врагов». Правда, после этих слов, казалось бы, означавших капитуляцию перед советской властью и признание ее исторической правоты, следовала фраза, четко демонстрировавшая отличие маклаковской группы от «союза русских патриотов», вскоре переименованного в «союз советских патриотов»: «Он (народ. – *О.Б.*) этим заслужил свое право сам собой управлять».

3. В третьем тезисе отдавалось должное советской власти, которая «проявила себя иной, чем была раньше, когда приносила Россию в жертву мировой революции. Война не захватила ее врасплох. К защите России против врагов она оказалась готовой; она пошла вместе с народом; еще раньше войны она разорвала с прежним своим отношением к его старине; уступки, которые она сделала во время войны, были не только очень реальны, но имели еще большее значение символа. А сама она не пала духом перед опасностью, не предала ради своего самосохранения Россию в руки врагов. Она неразрывно связала свою судьбу с Россией и сумела ее защитить. В отстаивании России в этот момент советская власть показала себя достойной народа. После всего происшедшего, – провозглашался едва ли не центральный тезис программы, – эмиграция не может не признать ее русской властью».

4. По-иному теперь оценивалась и Октябрьская революция – не как «местный эпизод», а в качестве начала «мирового социального сдвига к более полному пониманию задач и обязанностей государства в устройении жизни людей». Резкое столкновение старого с новым, как теперь обтекаемо характеризовались кровавые события революции и Гражданской войны, не может быть вечным. «Революция, поэтому, всегда – явление временное. Она кончается по осуществлении тех заданий истории, которые были тогда достижимы, возвращением к правовому порядку на новых началах... Изживание революции началось в России еще перед войной, вопреки убеждению, что в советской власти не может быть эволюции, – выдавал желаемое за действительное Маклаков. – Есть идейная пропасть между революционной программой

1918 года с ее призывами к истреблению классов – и конституцией 1936 года, несмотря на ее недостатки. Национальная война за спасение Родины должна углубить и ускорить этот здоровый процесс; мы уже видим признаки этого».

Законнику Маклакову, несмотря ни на что, все-таки трудно было представить, что конституция 1936 года была не более чем клочком бумаги.

5. Однако признание заслуг советской власти в деле защиты отечества совсем не означало покаяния перед ней. «Эмиграция от своего прошлого не отрекается, – подчеркивалось в 5-м тезисе. – Непризнание ею советской власти было основано не на личных или партийных мотивах; она защищала не отжившие привилегии старого, а основы здорового государства, восставала не против начал нового социального строя, а против приемов и методов их проведения в жизнь в таких размерах и темпах, что ими попирались вечные ценности общечеловеческие: законность, уважение к человеку, право населения управляться по своему пониманию».

Следовательно, речь шла не только о том, что эмигранты признали кое в чем правоту советской власти; ход событий подвел советскую власть к проведению в жизнь тех начал, которые отстаивала эмиграция и к которым, по мнению Маклакова, стремилось население России. Теперь начала законности, уважения к человеку, самоуправления «будут особенно нужны; население будет стремиться отдохнуть от революции и войн, и залечивать нанесенные раны». «Власть не должна идти наперекор этим общим желаниям, если не захочет потерять положения, которое было ею завоевано в этой войне». Меньше всего это «предупреждение» было похоже на капитуляцию. Эмиграция была готова примириться с существующей в России властью; но она не собиралась отказываться от своих основополагающих ценностей.

6. Маклаков остался на своей прежней позиции неприятия новой революции, даже если она приведет к падению большевиков. Любая революция ведет к страданиям людей и ослаблению страны. А ведь восстановление международного престижа и мощи России в его глазах было, несомненно, главной заслугой советской власти. Кто, как не бывший посол бывшей великой державы, толкавшийся в передней ее бывших союзников после окончания Первой мировой войны, мог эту заслугу оценить?

«Эмиграция понимала, что всякое колебание власти во время войны для страны было опасно. Но она не может не видеть, что интересы России и после войны требуют не падения власти, а только ее эволюции. Ни у кого сейчас не может быть большего авторитета при заключении мира, чем у тех, кто управлял страной во время войны и привел ее к победе. Падение власти в этот момент может лишь ослабить Россию.

Это понимание должно определять отношение эмиграции, пока власть защищает интересы России».

7. Отношение эмиграции к советской власти переменила война, говорилось в 7-м тезисе, оказавшиеся во время войны «с этой властью на одной стороне, могут и в дальнейшем найти с нею общий язык и общее дело». «Потому возвращение на родину может стать для них отрадной и желанной возможностью». Особенно подчеркивалось значение роли, которую сыграла Россия в войне, для младшего поколения «апатридов», которое своей родины не видело и не знало: «Отпор, который оказала Россия Германии, исполнил их национальной гордостью и готовностью посвятить свои силы служению ей. Этому молодому поколению место только в России».

«Таким образом, – подводился итог документа, – эмиграция будет, естественно, думать о возвращении на родину после войны. Не от нее, а от теперешней власти зависят условия, на которых это будет возможно. По ним тоже можно будет судить, в какой мере власть стала на уровень задач, которые перед Россией раскрылись, и освободилась от приемов и заветов революционного гнета. Это позволит каждому эмигранту видеть, в чем состоит его долг перед родиной. Но для этого ему необходимо будет преодолеть и в себе наследие нашего прошлого, без задних мыслей подчиниться истории и суметь без пристрастия оценить все стороны деятельности своих прежних противников. Возможность искреннего их примирения стала бы символом окончания революционной эпохи и восстановления внутреннего мира в России. Работать над этим, какие бы это ни встретило трудности от предвзятого недоверия и подозрения с обеих сторон, значит сейчас служить истинным интересам России»²³.

Относительно недоверия и подозрения с обеих сторон Маклаков оказался абсолютно прав. Впрочем, что касается советской власти в лице ее посла в Париже А.Е. Богомолова, прибывшего в город после освобождения, то она не собиралась рассматривать эмигрантов как «сторону». Она была готова лишь принять их безоговорочную капитуляцию. Что, впрочем, не исключало заигрывания с отдельными эмигрантами, возвращение которых могло послужить для укрепления престижа власти – речь шла, в частности, о живом классике, единственном российском Нобелевском лауреате И.А. Бунине. Что же касается тех лиц, которые, по мнению органов контрразведки, могли представлять потенциальную опасность или должны были быть наказаны за прежние грехи, то их просто насильственно вывозили в СССР. Это происходило в тех странах, которые были освобождены или оккупированы Красной армией. Так, в Югославии арестовали и вывезли на родину приятеля Маклакова В.В. Шульгина; массовые аресты прошли в Праге. Речь идет не о коллаборационистах, сотрудничавших с нацистами,

вроде генералов П.Н. Краснова или А.Г. Шкуро, а о тех людях, которые активной роли в политике давно уже не играли, подобно Шульгину, приговоренному советским судом к 25-летнему тюремному заключению, или литературоведу А.Л. Бему, арестованному в Праге и покончившему в тюрьме жизнь самоубийством. В Праге же был арестован и увезен в СССР почти 80-летний князь Петр Д. Долгоруков, некогда товарищ Маклакова по партии кадетов. На родине Долгорукова по слухам, дошедшим до эмиграции, судили во Львове военным судом и приговорили к 10-летнему заключению в лагере. В действительности Долгорукова приговорили, как мы теперь знаем, к пяти годам заключения в тюрьме (из которой он, впрочем, не вышел и после отбытия срока). Но дела это не меняло.

Однако все эти «детали» стали ясны позднее, так же как и то, что советская власть ничем из «революционных завоеваний» поступаться не собирается, более того, распространит их на освобожденные от нацистов страны Восточной Европы и попытается экспортировать через своих сторонников и в Европу Западную. Неизвестно было еще и то, что никакой либерализации режима после войны не произойдет, более того, что начнется его ужесточение и закручивание гаек. Но это все потом. Пока же эмигранты, наблюдавшие возрождение и победы русской армии, правда, называвшейся теперь советской, восстановление патриаршества, патриотическую риторику и обращение к славному историческому прошлому, наконец, восстановление территории бывшей Российской империи, имели некоторые основания надеяться, что «Термидор» под давлением жизни проведут сами большевики.

На этой почве было вполне возможно примирение и участие эмигрантов, если, конечно, этого захочет советская власть, ставшая, по мнению многих из них, национальной, в возрождении России.

Алданов: Нью-Йорк, 1941–1945

Алданов, в отличие от многих других эмигрантов, и подавляющего большинства французов, смотрел весьма скептически на военные перспективы Франции. Не следует списывать его воззрения на счет присущего ему пессимизма: на сей раз это было результатом небольшого, но показательного личного опыта. Будучи химиком по образованию, Алданов в начале войны «ходил по разным французским военным и невоенным учреждениям – с просьбой использовать его знания, его желание служить французской обороне. И обнаружил, что всюду такой беспорядок, такая неорганизованность, что он... вынес впечатление: больший удар немцев и все повалится»²⁵.

Большой удар последовал в мае 1940 г. Все в самом деле повалилось. 14 июня 1940 г. Париж был объявлен «открытым городом»; случилось

еще недавно казавшееся немыслимым: немецкие войска вступили в Париж, а Гитлер фотографировался на фоне Эйфелевой башни.

Алданов уехал в Ниццу, оттуда – в Португалию, ставшую для некоторой части российских эмигрантов «пересадочной станцией» по дороге в США. Отправились туда и Алдановы; пароход, вышедший из Лиссабона во второй половине декабря 1940 г., прибыл в Нью-Йорк 9 января 1941 г.

К русскому Нью-Йорку в годы войны перешла роль столицы русской эмиграции. Русская колония в США, за небольшими исключениями не отличавшаяся особыми интеллектуальными претензиями, получила мощную подпитку из Европы. В США, преимущественно в Нью-Йорке, во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. перебрались многие русские эмигранты – писатели, издатели, политические деятели, предприниматели, юристы, ученые... Приезжали не только из Франции: ехали из Германии, Прибалтики, Польши. Однако наиболее многочисленная группа интеллектуалов прибыла из Парижа. В Нью-Йорке в годы войны стал выходить новый толстый журнал, как бы сменивший знаменитые парижские «Современные записки». Он так и назывался – «Новый журнал». Одновременно стал выходить литературно-художественный журнал «Новоселье» (в четверть объема своего конкурента, издатель и редактор С.Ю. Прегель). «Новый журнал» выходил ежеквартально, «Новоселье» был объявлен ежемесячным, но графика не выдерживал, хоть и выходил в два раза чаще своего толстого собрата. Эсеры начали издавать в Нью-Йорке в 1941 г. журнал «За свободу» (с 1942 под ред. Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и В.М. Чернова); меньшевики возобновили в 1940 г. издание «Социалистического вестника» (редактор в 1940–1945 Р.А. Абрамович, в 1945–1954 – Р.А. Абрамович и С.М. Шварц). Наконец, нью-йоркская ежедневная газета «Новое русское слово», производившая довольно провинциальное впечатление, резко улучшила качество, став надолго главной газетой «русского зарубежья».

В Нью-Йорке возникли многочисленные общества, клубы, фонды, происходили публичные дискуссии, организовывались лекции, читались доклады. Эмигранты с трудом приспосабливались к новой стране, ее странным и столь не похожим на европейские обычаям, языку. Тем более что многие из «аргонавтов» были людьми немолодыми. Однако Америка, казавшаяся временным пристанищем, стала для подавляющего большинства из них новым домом. Поначалу нерегулярная связь с Францией поддерживалась. Но после вступления США в войну 7 декабря 1941 г., а затем оккупации нацистами «свободной зоны», контролируемой правительством Виши, в ноябре 1942 г. какие-либо контакты с соотечественниками на территории Франции прервались.

«Увы, многих близких друзей и родных приходится оплакивать, как заживо похороненных, – констатировал А.А. Гольденвейзер в марте

1943 г. – Не знаю, кого из них нам доведется еще увидеть, когда, наконец, откроется “железный занавес”, окончательно отрезавший Европу после оккупации Юга Франции»²⁶.

Алданов не собирался прозябать в Америке, хотя поначалу, по его собственным словам, сомневался, стоит ли туда отправляться без денег и ясных перспектив заработка. Даже столь неглупому человеку как Алданов в конце 1940 г. было не вполне ясно, какую угрозу представляет – для него лично, еврея и либерала, – нацизм. Еще будучи в Европе он планирует создание в США газеты и толстого журнала. 1 декабря 1940 г. Алданов сообщил Керенскому о предложении некоего А.И. Коппа дать от 10 до 15 тыс. долларов на создание в США русской еженедельной газеты. Алданов отнесся к этому предложению с энтузиазмом, так определив свое видение направления будущей газеты: «Во внешней политике я представляю себе лишь ставку и надежду на победу Англии, а во внутренней – идеи “Новой России”». Напомню, что Англия была в тот момент единственной страной, ведущей войну с Германией. Алданов предлагал Керенскому взяться за редактирование газеты совместно с А.И. Коноваловым, согласием которого он как будто заручился²⁷.

Сам Алданов был готов взяться за редактирование литературного отдела и за техническую работу – «как в “Последних новостях”». Предполагая, что суммы, предложенной Коппом, может не хватить для создания газеты, Алданов предлагал другой вариант – взять в аренду «Новое русское слово». Уговаривая Керенского согласиться, Алданов писал: «Помимо нашего личного интереса, тут ведь есть большой общий политический интерес. Помните, что это была бы **единственная** русская газета в мире, – “Посл[едние] новости” навсегда кончились»²⁸.

«Что касается меня, – писал Алданов, – то я, кроме этого, надеюсь еще на создание толстого журнала, в котором я был бы одним из редакторов (просто в сотрудники я теперь не пошел бы)». В этом заявлении чувствуется осознание своего изменившегося места в эмигрантской табели о рангах – роль «просто сотрудника» Алданов явно перерос, а в русском Париже все редакторские места были заняты. С другой стороны, претензии Алданова кажутся смешными: ведь несколькими фразами ниже он интересуется, не поможет ли ему с жильем Марья Абрамовна Вишняк, ибо Алдановы слышали, что Вишняки «дешево сняли одну комнату с ванной и кухней. Это именно то, что нам теперь нужно»²⁹.

Газету ни учредить, ни арендовать не удалось. А вот планы с журналом осуществились полностью: в 1942 г. вышел первый номер «Нового журнала», ставшего на последующие полвека главным толстым эмигрантским журналом. Продолжает он выходить и до сего дня; однако после 1991 г. существование подобного рода зарубежных изданий утратило актуальность. Алданов сыграл, бесспорно, ключевую роль в

создании журнала: разумеется, он мало что смог бы сделать без Марии Самойловны Цетлиной, взявшей на себя в значительной степени финансирование издания (часть денег дал Б.А. Бахметев) и организационные хлопоты, и без своего соредактора Михаила Осиповича Цетлина. Но все же, когда он писал, что «журнал был создан мною»³⁰, в этом была значительная доля истины³¹.

В Америке Алданову сопутствовал немалый – для писателя-эмигранта – успех: его роман «Начало конца» был выпущен в переводе на английский одним из лучших американских издательств – издательством Чарльза Скрибнера, и очень неплохо расхoduлся³². К апрелю 1945 г. было продано уже 314 000 экземпляров. Скрибнер, воодушевленный этим успехом, приобрел права на издание всех остальных книг Алданова³³. Беженец, приехавший в Нью-Йорк практически без копейки (точнее, без цента) за душой и мечтавший снять подешевле комнату с ванной, стал теперь вполне обеспеченным человеком.

Один из «молодых» эмигрантских писателей межвоенного поколения, Василий Яновский, писал в своих воспоминаниях: «На Монпарнасе шутя утверждали, что после смерти Алданова в зарубежной прессе станет просторно»³⁴. «Молодые» досадовали, что им не находится места на страницах немногочисленных эмигрантских журналов. С их точки зрения, проза Алданова была старомодна. «Алданов, талантливейший, культурнейший публицист, почему-то задумал писать бесконечные романы. И это была роковая ошибка», – припечатал Яновский³⁵. Портреты и очерки Алданова в самом деле выигрывают по сравнению с его романами. Но вот кто помнит и читает, кроме десятка специалистов, прозу Яновского и прочих бывших «молодых», оставшихся в истории литературы по разряду «подававших надежды»?

Алданов принадлежал к «ордену» русской интеллигенции и был «общественником». Выйдя формально из редакции «Нового журнала» в связи с загруженностью литературной работой, он продолжал, как свидетельствует его переписка, принимать самое живое участие в делах журнала и быть де-факто «теневым редактором». В Нью-Йорке Алданов стал членом правления Литературного фонда. Это опять-таки была не формальная почетная должность: он принимал активное участие в помощи собратьям-литераторам (и не только), в особенности после освобождения Франции.

Со временем круг российских эмигрантских политиков сужался, а партийные разногласия и оттенки, казавшиеся столь существенными в России, стирались. Конфигурация эмигрантских политических группировок менялась, притяжения и отталкивания шли по другим линиям. Ближайшими единомышленниками Алданова в «американский» период были А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский и М.М. Карпович, профессор Гарвардского университета, сменивший его на посту соредактора «Но-

вого журнала», а после смерти М.О. Цетлина в 1945 г. ставший единоличным редактором журнала. Хотя, подчеркивал Алданов, «я все-таки во многом не согласен с Александром Федоровичем [Керенским]»³⁶.

Современники, писавшие об Алданове, неизменно отмечали его «джентльменство», корректность, дипломатичность. Алданов умело лавировал в не отличавшемся чрезмерной доброжелательностью литературном мире эмиграции и умудрился «прожить жизнь» в литературе практически без отрицательных рецензий. Однако его дипломатичность не исключала твердости политических убеждений. Алданов был и до конца жизни оставался принципиальным противником большевиков. Хотя он и не отрицал изменений, происходивших в Советском Союзе, и статьи М.В. Вишняка и Г.П. Федотова, стоявших на «твердокаменных» позициях и считавших, что в СССР «все – зло», вызывали у него скорее раздражение. А некоторые тексты Федотова Алданов и вовсе считал «русофобскими»³⁷.

Эмиграция и советская власть, 1945: Вокруг «визита»

Эмигрантский «пейзаж» после освобождения Франции выглядел не слишком радостно: численность эмиграции существенно сократилась, а моральный кредит заметно упал. В нацистских лагерях погибли сотни русских евреев-эмигрантов; сотни эмигрантов покинули страну. Немало видных деятелей эмиграции разной политической ориентации умерли в годы войны по естественным причинам, в том числе лидер либералов П.Н. Милоков, председатель адвокатского союза Н.В. Тесленко, бывший царский премьер В.Н. Коковцов и бывший министр финансов Временного правительства М.В. Бернацкий, писатель Д.С. Мережковский и многие другие. В 1945 г. перед русскими изгнанниками-«оборонцами» встал вопрос о смысле существования эмиграции: если они оказались по одну сторону с советской властью, не пора ли если не признать ее правоту, то поискать точки соприкосновения?

Спор о смысле изменений, происшедших в России, и о роли эмиграции в новых условиях развернулся между людьми во многом сходных воззрений, много лет лично знавших друг друга, но оказавшихся в годы войны по разные стороны океана. Что означало – в свободной стране или в оккупации, в безопасности или под угрозой тюрьмы, а то и смертной казни. Иначе говоря: между русскими ньюйоркцами и русскими парижанами.

Алданов, как и многие другие русские американцы, был неприятно удивлен, если не сказать поражен, известиями из Парижа о том, что некоторые хорошо ему знакомые русские эмигранты ищут сближения с советскими представителями, а то и просто пошли к «советам» на поклон. Об этом (как и о сотрудничестве с нацистами других – а то

и тех же самых русских эмигрантов) писал в Нью-Йорк свояк Алданова Я.Б. Полонский, доходила отрывочная и не всегда достоверная информация и по другим каналам. 6 марта 1945 г. Алданов писал Керенскому: «В Париже, по-моему, происходит, и с каждым днем будет усиливаться развал политической эмиграции. Ее в самом деле уже больше нет: осталась только колония. За успех люди всегда всем прощали все. А теперь, по-видимому, и Бильянкур, и идейные вожди вроде Одинца... окрылены надеждами: амнистия, служба, места, милости, тридцать пять тысяч курьеров в полпредство и обратно. Думаю, что для громадного большинства ни одна из этих надежд не оправдается, и корыто будет разбито во второй раз, – “красная мечта” вслед за “белой мечтой”. Кроме того, отношения между де Голлем и коммунистами портятся. Идейные вожди могут немного испугаться: они ссориться с властями не любят»³⁸.

Относительно судьбы Франции, ставшей его второй родиной, Алданов был умеренно оптимистичен:

«Коммунисты были бы во Франции всемогущи, если бы Сталин хотел и **мог** им помогать по-настоящему. Но в Ялте как будто принято решение, что западную Германию будут занимать английские и американские войска. Если так, то “сосредоточение войск на границе” для подкрепления политических требований в данном случае в ближайшие годы окажется невозможным. Своими же силами французские коммунисты едва ли придут к власти. Это подает мне надежду, что, быть может, удастся закончить свои дни в Париже: на Петербург я больше, к большому своему горю, ни малейшей надежды не имею»³⁹.

Буквально на следующий день после написания этого письма, 7 марта 1945 г., в «Новом русском слове» появилась корреспонденция из Парижа, повергшая Алданова и его единомышленников в шок. В ней сообщалось, что группа русских эмигрантов посетила советское посольство в Париже. Дело было не столько в самом факте «визита», сколько в составе группы: половина людей, поднявших в советском посольстве бокалы за здоровье маршала Сталина, были друзьями или однопартийцами Алданова.

12 февраля 1945 г. посольство посетили девять человек. Двое – адмиралы – бывший командующий Балтийским флотом и военноморской министр Временного правительства Д.Н. Вердеревский и М.А. Кедров, в 1920 г. командующий флотом и начальник морского управления в правительстве П.Н. Врангеля, были приглашены по настоянию посла. Остальными были В.А. Маклаков, А.С. Альперин, А.А. Титов, М.М. Тер-Погосян, Е.Ф. Роговский, В.Е. Татаринов и А.Ф. Ступницкий⁴⁰. Альперин и Титов были, как и Алданов, народными социалистами. С Маклаковым он был «на дружеской ноге». В число достаточно близких к нему людей входил Тер-Погосян. Почти все «штатские» были масонами, входившими в те же ложи, что и

Алданов. Возможно, по совокупности этих обстоятельств, а также по свойственной ему дипломатичности Алданову пришлось сыграть, пожалуй, ключевую роль в «выяснении отношений» с участниками визита. Заметим, что эмигрантская политика далеко не всегда была публичной, отчасти ввиду отсутствия печатных «площадей» для обсуждения тех или иных насущных вопросов, отчасти в связи с нежеланием предавать огласке существующие разногласия или, по выражению Маклакова, «еретические» мысли. Переписка играла огромную роль в жизни российских интеллектуалов, в архивах сохранились многие тысячи писем; некоторые из них скорее напоминают политические или историософские трактаты, а по откровенности и литературной отточенности нередко превосходят опубликованные ими же тексты на те же темы. Исследователи творчества Алданова, вероятно, были бы удивлены, узнав, какие тонкости эмигрантской и «общей» политики обсуждал автор «Истоков» в своей обширной переписке с Маклаковым, и насколько он был информированным в этом отношении человеком. Впрочем, это в большей степени относится ко времени холодной войны. Пока же вернемся в 1945 г.

Эффект, произведенный визитом в среде русской эмиграции, трудно переоценить. Под свежим впечатлением от сообщения о визите В.В. Набоков отправил В.М. Зензинову текст, который тот не без оснований назвал стихотворением в прозе. «Стихотворение в прозе» оказалось, правда, совсем не лирическим:

«В историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а ля фуршет в Париже.

Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет.

И вот, выслушав ответную речь, в которой нам сказали, что вас-де, плюгавых подлюг, Советский Союз знать не знает (и поучитесь-ка у Киргизов – а там видно будет), мы закусили грибочками в сметане.

Остается набросать квалификацию эмиграции.

Я различаю пять главных разрядов.

1. Люди обывательского толка, которые невзлюбили большевиков за то, что те у них отобрали землю, денежки, двенадцать ильфпетровских стульев.

2. Люди, мечтающие о погромах и румянном царе. Эти обретаются теперь с советами, считаю, что чувствуют в советском союзе Советский союз русского народа.

3. Дураки.

4. Люди, которые попали за границу по инерции, пошляки и карьеристы, которые преследуют только свою выгоду и служат с легким сердцем любым господам.

5. Люди порядочные и свободолюбивые, старая гвардия русской интеллигенции, которая непоколебимо презирает насилие над словом, над мыслью, над правдой»⁴¹.

«Как можно не видеть того, – с гневом писал Борис Николаевскому самый “твердокаменный” из эсеров, Марк Вишняк, – что ДО визита Маклакова... русская эмиграция, плохо ли, хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие их кучки – “тройки” и “десятки”, – которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают. Нет сейчас наглеца и профитера, который не мог бы оспорить Вас, опершись на авторитет Маклакова»⁴².

Визит, так же как вопрос об отношении к Советскому Союзу в свет той роли, которую он сыграл в разгроме нацизма, и тех изменений, которые произошли в стране в годы войны, породил ряд статей на страницах эмигрантской печати и необыкновенно интенсивную переписку. Переписка по этому поводу могла бы составить объемистый том. В письмах эмигранты были нередко более откровенны, нежели в публичных выступлениях или публикациях в прессе. Среди тех, кто активно участвовал в эпистолярной дискуссии, были А.Ф. Керенский, А.И. Коновалов, М.В. Вишняк, Б.И. Николаевский, Б.И. Элькин, А.А. Гольденвейзер, Е.В. Саблин, Н.А. Саблина, А.А. Титов, С.П. Мельгунов и другие. В общем, едва ли не вся пишущая элита либерально-демократического крыла русской эмиграции.

Алданов, в отличие от Маклакова, ни на какой компромисс с советской властью идти не собирался. Обсуждение этой проблемы в переписке является одним из интереснейших ее сюжетов. Столь серьезное расхождение не привело к разрыву. Впрочем, надежды Маклакова на примирение с советской властью быстро рассеялись: в СССР произошла не либерализация, а ужесточение режима. С эмигрантами не собирались обсуждать условия примирения – от них требовали безоговорочной капитуляции. Маклаков, этот защитник «прав империи», не смог «переступить» через проблему прав человека. Уже в мае 1945 г. он опубликовал статью «Советская власть и эмиграция»⁴³, в которой выставил свое традиционное и основополагающее требование: соблюдение прав человека, защиту личности, без которой невозможно никакое сближение с правящим в СССР режимом. После публикации этой статьи в посольстве к нему охладели; политические и личные друзья Маклакова посчитали инцидент исчерпанным, хотя переписка между ними по этому поводу могла бы составить целую книгу⁴⁴.

Собственно, пора перейти от истории русской эмиграции, в контексте которой развивались отношения Маклакова и Алданова, к характеристике их переписки, приобретшей систематический и временами необычайно интенсивный характер с 1945 г.

1945–1957. Переписка

Еще в 1930-е гг. Маклаков и Алданов иногда обменивались письмами. Однако происходило это нечасто, что не удивительно – ведь они жили в одном городе и встречались как минимум раз в неделю на «четвергах» в доме Пети. Систематический характер переписка приобретает с 1945 г. Маклаков по-прежнему жил в Париже, Алданов после войны не спешил покидать Нью-Йорк. Вернулся он во Францию в 1947 г., однако поселился не в Париже, а в Ницце. Этим мы, собственно, обязаны самому существованию обширного корпуса писем.

Переписка, что является не слишком частым случаем, сохранилась практически полностью – в фонде Маклакова в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Стэнфорд, Калифорния) и в фонде Алданова в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк). «Практически полностью» не означает, к сожалению, все-таки полностью: часть рукописных писем Маклакова утрачена. Тем не менее по отношению к общему объему переписки число утраченных писем незначительно, и нить переписки, суть обсуждаемых проблем нигде не теряется. В фонде Маклакова в Гуверовском архиве его переписка с Алдановым занимает целую коробку (20 объемистых папок), здесь хранятся оригиналы писем Алданова и машинописные отпуски писем Маклакова⁴⁵. В Бахметевском архиве, соответственно, находятся оригиналы писем Маклакова и машинописные отпуски Алданова. В общей сложности они занимают 41 папку.

Переписка Алданова и Маклакова богата как мыслями, так и сведениями. Размышляли они, к примеру, о том, как соотносятся «права человека и империи» (выражение Алданова). Маклаков всегда признавал «необходимость обоих принципов, которые составляют государственную антиномию»: «Они противоречивы, но оба необходимы. Мы все достаточно видели, к чему приводит империя, которая пренебрегает правами человека; таков был наш старый режим, теперь фашизмы разного рода». Однако, подчеркивал Маклаков, «нет спасительной формулы к примирению обоих начал; нет универсального компромисса; грань между обоими принципами постоянно передвигается, как в зависимости от внешней обстановки (мир, опасность войны, война), так и степени общественной культуры. Потому можно иметь далекие идеалы, но вопрос о том, что нужно и почему нужно сейчас, решается

не благородством наших идей, а грубыми фактами жизни. Тут политические деятели невольно уподобляются докторам»⁴⁶.

«Доктора» в российском случае оказались не самыми квалифицированными. Впрочем, существовало ли «лекарство», способное предотвратить катаклизм, потрясший страну в 1917 г.? Это один из вопросов, на который пытались ответить самим себе корреспонденты – как в опубликованных произведениях, так и в личной переписке. Письмам они доверяли больше – поскольку позволяли себе высказывать в них различные «еретические мысли», обнаружение которых считали преждевременным.

Настроения русских эмигрантов по обе стороны океана были далеки от оптимизма. Многие эмигранты, оказавшиеся в советской зоне оккупации, были арестованы и депортированы в СССР, несмотря на преклонный возраст. Маклаков опасался установления коммунистического режима во Франции. Вскоре после войны агенты НКВД чувствовали себя в Париже, по крайней мере по мнению эмигрантов, как у себя дома. Алданова поразила фраза Маклакова в его письме Б.И. Николаевскому: «Для меня нет сомнения, что мы здесь не избежим катастрофы и что здесь до нас доберутся, как добрались до П.Д. Долгорукова». «Меня трудно превзойти пессимизмом, – констатировал Алданов, – но Вы превзошли»⁴⁷. Однако писатель не считал возможность похищения и принудительной доставки на родину совершенно исключенной и в связи с этим поставил вопрос о том, чтобы выхлопотать американские визы человек для десяти. Разумеется, он предупредил Маклакова о строгой конфиденциальности этого предложения. Маклаков от визы отказался: «За предложение искренне благодарю, как [и] за дружбу; но что бы здесь ни было, я никуда не уеду. Не только я чувствую себя в положении капитана, который с корабля слезает последним, но, главное, в мои годы прятаться, чтобы спасти свою уже ни на что не нужную жизнь, – ридикульно. А я под конец смешным быть не хочу»⁴⁸.

Алданов, впрочем, также был настроен не слишком оптимистично:

«Я моложе Вас, но ей-Богу иногда радуюсь, что тоже уже очень немолод и не увижу следующих глав трагикомедии, – писал он Маклакову всего лишь несколько месяцев спустя после окончания Второй мировой войны. – Т. е., увидеть их, пожалуй, и было бы интересно – вот как интересно читать Гиббона. Но переживать их – нет, с меня достаточно. Не думаю, чтобы еще было какое-либо поколение с сотворения мира, которое видело бы и пережило бы столько сколько мы. Читаю старых второстепенных романистов, живших в ту эпоху, которую я пытаюсь описать в романе “Истоки”. Право, смешно и стыдно. Это Хвоцинская написала: “Бывали времена хуже, но подлее не было” (Некрасов взял у нее). А жили они в лучшее (не говорю: в очень хорошее, но в лучшее)

время и русской и мировой истории. А вот наше время – действительно, пока не было ни хуже, ни подлее»⁴⁹.

Обстановка на «второй родине», во Франции, казалась полностью аналогичной ситуации на родине первой в 1917 г. Коммунисты в правительстве, шаткость власти... Все это наводило на мрачные размышления.

Отставку генерала де Голля в начале 1946 г. Алданов воспринял как большое горе. «В случае чего, за ним пошли бы, – писал он Маклакову. – Пойдут ли за его преемником – это вопрос. Вообще все идет к черту. Очень горжусь, что в 1937 году начал печатать, а в 1939 году выпустил книгу под названием “Начало Конца”. И еще больше огорчаюсь, что оказался прав. В “Истоках” же меня только и интересует: откуда пошло все то, что теперь происходит в мире? Ведь и народовольцы, и Бисмарк, и Вагнер, и Гладстон, и Маркс, и Бакунин были именно истоками – от них пошло и хорошее...»⁵⁰

Более всего корреспонденты опасались войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции: «Не дай Господи! Как физико-химик, я понимаю, что такое атомная бомба»⁵¹. Опасность представлялась им вполне реальной, по крайней мере до смерти Сталина. Проблема выбора, определения собственной позиции в случае конфликта вновь, как и десять лет назад, была «на повестке дня». Только на этот раз она была гораздо более мучительной. Ведь, по большому счету, у либерально-демократического крыла русской эмиграции не было особых сомнений, кого поддерживать – Сталина или Гитлера. Труднее было определиться в случае возможного столкновения между СССР и США.

«Конечно, молчать во время войны – это не “позиция”, – размышлял Алданов в конце 1940-х гг., в период “пика” холодной войны. – Но беда ведь именно в том, что в случае войны между СССР и демократиями у нас не может быть никакой приемлемой позиции. В здравом уме мы не можем желать победы Сталину по тысяче причин, одна из которых заключалась бы просто в том, что такая победа означала бы гибель всех близких нам людей на европейском континенте, всех тех, кому не удастся бежать и кто немедленно не перекрасится (ведь весь континент будет захвачен в 3–4 недели). Мы не можем, с другой стороны, приходить в восторг от того, что атомными бомбами будут уничтожаться Петербург, Москва, Киев, все культурные сокровища России и миллионы людей, что затем, в случае победы Америки, Россия (или то, что от России останется) будет сведена к границам 17-го столетия. Поэтому, думаю, пока войны нет, мы должны всячески желать, чтобы ее и не было. А если она начнется, я не вижу ничего другого, кроме молчания и я, как ни плох этот “выход”»⁵².

Историю первой волны русской эмиграции в литературе ограничивают обычно 1918–1940 гг. Конечным рубежом здесь служит окку-

пация нацистской Германией большей части Франции, включая «столицу» русской эмиграции – Париж. Это привело в конечном счете к гибели многих эмигрантов. К упоминавшимся выше именам погибших добавим сгинувших в немецких лагерях редактора «Современных записок» И.И. Фондаминского, поэтов Е.Ю. Кузьмину-Караваеву (Мать Марию), Ю.В. Мандельштама, Р.Н. Блох, М.Г. Горлина. Список далеко не исчерпывающий. Реэмиграция части эмигрантской политической и интеллектуальной элиты в США, прекращение выхода крупнейших эмигрантских периодических изданий – «Последних новостей» и «Современных записок», казалось, превратили Париж в эмигрантскую провинцию. Вторая мировая война положила начало истории «второй волны» эмиграции, резко отличавшейся от первой по составу, культуре, прошлому.

Очевидно, однако, что общепринятая периодизация достаточно условна. В годы Второй мировой войны ряды послереволюционной эмиграции поредели, ее деятели не стали моложе, но, тем не менее, не собирались сходить со сцены. Холодная война неожиданно привела к реанимации интереса к русской эмиграции, к попыткам создать эмигрантские организации, способные вести пропагандистскую работу на СССР и, кто знает, может быть, в случае падения советского режима сыграть на родине политическую роль. Так, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. русская эмиграция, прозябавшая в полном забвении и политическом небрежении, вдруг оказалась востребованной великими державами, прежде всего США. Был извлечен из политического небытия А.Ф. Керенский, наряду с новыми эмигрантами активную роль в попытках объединения эмиграции играли С.П. Мельгунов и Б.И. Николаевский и некоторые другие видные деятели «первой волны». В условиях холодной войны представители российских противников коммунистического режима оказались как нельзя кстати. При политической и финансовой поддержке американских государственных структур и частных фондов один за другим стали возникать различные эмигрантские комитеты и центры, долженствовавшие символизировать свободную Россию и способные – хотя бы теоретически – установить связь с противниками большевиков внутри СССР.

В Нью-Йорке все еще существовали постоянно ссорящиеся между собой и раскалывающиеся на различные группы меньшевики и эсеры. Однако главным фактором внутренней эмигрантской жизни стало появление эмигрантов «второй волны», в основном находившихся на территории Западной Германии в лагерях для перемещенных лиц (Displaced persons, ди-пи). Как относиться к этим «новым русским», многие из которых служили в армии генерала А.А. Власова или в других формированиях, созданных под эгидой нацистов, было одним из главных вопросов, ставших камнем преткновения для эмигрантов пер-

вой, послереволюционной, «волны». Однако этого было мало. «Вторая волна» состояла по большей части не из русских, а из украинцев, белорусов, грузин и других представителей «народов СССР», вовсе не мечтавших о восстановлении великой и свободной России в границах бывшей Российской империи. Напротив – они стремились к созданию на развалинах СССР собственных национальных государств.

В послевоенный период возникает множество эмигрантских объединений, созданных как «старыми», так и новыми эмигрантами. Вскоре после окончания войны «народный социалист», историк и публицист С.П. Мельгунов создает в Париже «Союз борьбы за свободу России», в 1948 г. там же писатель Р.Б. Гуль основывает «Российское народное движение». В 1948 г. в Германии возникает созданный бывшими участниками власовского движения «Союз борьбы за освобождение народов России» (СБОНР) (у его истоков стояли К.Г. Кромиади и Б. Яковлев [Н.А. Троицкий]). В 1948 г. в Нью-Йорке меньшевиками, эсерами и остатками группы «Крестьянская Россия» была учреждена «Лига борьбы за народную свободу». Лидирующую роль в Лиге оспаривали историк Б.И. Николаевский и А.Ф. Керенский. Перечень носит далеко не исчерпывающий характер.

В самом конце 1940-х – начале 1950-х гг. различные эмигрантские группы, отчасти в связи с пониманием необходимости объединения сил, но преимущественно под давлением американцев (в 1951 г. в Нью-Йорке был создан Американский комитет друзей русского народа, занимавшийся взаимодействием с эмигрантскими организациями), пытаются создать некую единую структуру. В 1951 г. в результате ряда совещаний в Германии был создан Совет освобождения народов России (СОНР), объединивший 11 эмигрантских организаций разного толка. Однако СОНР раскололся по национальному вопросу, и после выхода из него некоторых национальных организаций оставшимися организациями в октябре 1952 г. в Мюнхене был создан Координационный центр антибольшевистской борьбы.

В задачу настоящей статьи не входит анализ деятельности эмигрантских организаций послевоенного времени и роли в них эмигрантов послереволюционных. Мы упоминаем об этом, чтобы, во-первых, показать, что история «первой волны» имела довольно продолжительный эпилог, во-вторых, чтобы дать представление о том фоне, на котором проходил эпистолярный диалог Маклакова и Алданова.

В переписке Маклакова и Алданова содержатся уникальные сведения о деятельности различных эмигрантских антисоветских организаций, созданных в послевоенный период (Координационный центр антибольшевистской борьбы, Лига борьбы за народную свободу, Союз борьбы за освобождение народов России и др.), о политической работе видных деятелей эмиграции – А.Ф. Керенского, Б.И. Николаевского,

С.П. Мельгунова и др. Ни Маклаков, ни Алданов не принимали личного участия в работе послевоенных эмигрантских политических организаций, однако хорошо знали их ведущих деятелей, переписывались и встречались с ними и в Париже, и в Нью-Йорке, куда время от времени наезжал Алданов. Это обусловило осведомленность корреспондентов во внутренней кухне эмигрантской политики и высокую информативность их переписки.

В переписке затрагиваются также такие проблемы, как отношение к власовскому движению, возможность сотрудничества с его участниками. Алданов был непримирим по отношению к бывшим власовцам, во всяком случае до той поры, пока они публично не отреклись от своего прошлого, Маклаков был более снисходителен, полагая, что многие участники власовского движения «добросовестно заблуждались». Весьма интересен спор по вопросу о юридической и политической оценке Нюрнбергского процесса, моральной и политической оценке деятельности некоторых коллаборационистов – французских и русских. Любопытно, что «законник» Маклаков, отсидевший при нацистах два с половиной месяца в тюрьме и постоянно живший в период оккупации под угрозой нового ареста в связи с его антифашистской деятельностью, считал Нюрнбергский процесс, со строго юридической точки зрения, нонсенсом: победители судили побежденных по специально подготовленным для этого случая законам. Алданов соглашался, что с юридической точки зрения процесс и в самом деле безупречен, но это не отменяло того, что подсудимых следовало повесить. С чем, в конечном счете, был согласен и Маклаков⁵³.

Содержание переписки не сводится исключительно к политике.

Одна из самых интересных проблем, обсуждавшихся корреспондентами, – вопрос о случайности и закономерности в истории, о неизбежности тех или иных исторических событий. Как известно, проблема случайности – одна из центральных в исторической прозе Алданова, так же как в философском трактате «Ульмская ночь». Переписка позволяет лучше понять как концепцию Алданова, так и трактовку обоими корреспондентами проблемы альтернативности в российской истории. Тем более что один из них – Маклаков – был не только свидетелем, но и участником некоторых ключевых исторических событий.

Чрезвычайно интересно обсуждение особенностей жанра исторического романа и пределов допустимого «вмешательства» романиста в биографии исторических деятелей. В переписке нашла отражение история некоторых публикаций на страницах нью-йоркского «Нового журнала», сменившего в качестве главного эмигрантского «толстого журнала» парижские «Современные записки». Алданов был одним из основателей и редакторов «Нового журнала», Маклаков публиковался на его страницах. Среди уникальных сведений, содержащихся в пере-

писке, отмечу воспоминания Маклакова о Л.Н. Толстом и А.П. Чехове, сюжеты, связанные с историей русского масонства. Вопреки распространенному мнению, говоря о масонстве, корреспонденты не прибегали к иносказаниям, а «называли вещи своими именами».

Переписка содержит немало бытовых моментов. Корреспонденты в начале 1950-х гг. – уже немолодые люди (эмигрантская колония в 1949 г. отметила 80-летний юбилей Маклакова), к тому же тяжело болеет сестра Маклакова, Мария Алексеевна, поэтому не удивительно, что тема болезней, докторов и прочего занимает определенное место в переписке. Удивительно другое – это в особенности относится к Маклакову – до последних дней он работает, ходит в «присутствие», Офис по делам русских беженцев. И не теряет интерес к происходящему в мире. В начале 1957 г. Маклаков пишет о Суэцком кризисе, роли ООН и прочих политических вопросах.

И Маклаков, и Алданов в годы эмиграции вели обширную переписку: среди корреспондентов обоих – Е.Д. Кускова, Б.И. Элькин, А.Ф. Керенский, М.М. Карпович, некоторые другие. Ближайшим другом и конфидентом Маклакова в 1920-е – начале 1930-х гг. был Б.А. Бахметев; переписка с ним по объему превосходит его переписку с любым из других корреспондентов. Близким другом, предметом восхищения и заботы Алданова был И.А. Бунин; их переписка продолжалась многие годы, вплоть до смерти нобелевского лауреата. Несомненно, однако, что в послевоенный период наибольшее число писем Маклаков и Алданов адресовали друг другу. Они не просто единомышленники (что не исключало расхождений и споров по тем или иным вопросам) – они друзья. Алданов искренне восхищался Маклаковым – ему импонировал его уникальный ораторский дар, феноменальная память, поразительный интеллект. Кроме всего прочего, для Алданова Маклаков был свидетелем и участником истории, он лично и близко знал Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, общался с С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным и многими другими людьми, которые для Алданова были историческими персонажами – и персонажами его романов. В одном из писем Алданов делился своими впечатлениями о советском документальном фильме о новом здании Московского университета; в числе прочего упоминалась аллея, вдоль которой были поставлены памятники известным ученым – преподавателям университета. Как оказалось, Маклаков у некоторых из них учился, кому-то сдавал экзамены... Ведь он успел поучиться и на естественном, и на историко-филологическом, и на юридическом факультетах Московского университета. Маклаков, в свою очередь, восторгался творчеством Алданова. Несомненно, как и многим другим современникам, лично знакомым с писателем, ему импонировали алдановская принципиальность, сочетавшаяся с порядочностью, умением себя вести в непростых ситуациях, «джентльменство».

Маклаков в середине 1950-х гг. по-прежнему окружен людьми – сотрудниками, друзьями и почитателями, и в то же время очень одинок. Он признается Алданову, ставшему, наряду с сестрой, самым близким ему человеком: «Мой почерк лишает меня общения на письмах, а моя глухота (особенно разговоры [по] телефону) – возможности обмениваться словами. Так постепенно слабеют связи между людьми»⁵⁴. Чудовищный почерк Маклакова (о чем пойдет речь ниже) разбирал мало кто из его корреспондентов, и это в самом деле серьезно затрудняло общение.

Переписка с Алдановым идет временами едва ли не в ежедневном режиме, а перерыв в две недели воспринимается как признак серьезного неблагополучия. 13 января 1955 г. встревоженный длительным, по его представлениям, отсутствием писем, Маклаков пишет своему другу:

«Не хочу этого письма давать сестре переписывать (имеется в виду перепечатка на машинке. – *О.Б.*) и потому пишу его от руки. Я так давно не получал от Вас писем (последнее было 30 Дек[абря] прошлого года), что себя спрашиваю: что с Вами? Здоровы ли Вы? Или я чем-нибудь Вам досадил? Или и Вы на меня махнули рукой, как сам с собой делаю.

Если нам и не придется более встретиться, хочу Вам сказать, в каком восхищении перед Вашим талантом, и с какой дружбой... я буду всегда помнить о Вас»⁵⁵.

Последняя фраза, нечаятая в текстах сдержанного в выражении эмоций и нередко ироничного Маклакова, лучше всего определяет его отношение к Алданову. Тревога на сей раз оказалась неоправданной.

Переписка продолжалась до последних дней жизни Алданова. Последнее письмо Алданова датировано 15 февраля 1957 г., Маклаков ответил на следующий день. Алданов строил творческие планы, видимо, хотел развить или уточнить какие-то линии, намеченные в романе «Самоубийство»: в последнем письме он задает уточняющие вопросы о последней встрече Маклакова с Саввой Морозовым. Писателя интересовали обстоятельства и причины самоубийства спонсора большевиков. Планы осуществить не удалось: как оказалось, Алданову было отмерено всего 10 дней жизни. Алданов, младший из корреспондентов, скончался 25 февраля 1957 г.; четыре с лишним месяца спустя, 15 июля, ушел из жизни Маклаков.

Ценность публикуемой в настоящем томе переписки заключается не только в том, что это замечательный источник по истории русской политической мысли XX столетия, по истории и культуре русской эмиграции, по истории русской литературы. Это – блестящий образец эпистолярного жанра, искусства, которое, кажется, уже ушло в прошлое. Но не стало от этого менее замечательным.

Историку невозможно без «скрежета зубовного» читать в одном из писем Алданова: «Я к 1940 году скопил огромное число писем ко мне, в том числе письма чуть ли не от всех известных людей эмиграции, от многих знатных иностранцев, как Ром[ен] Роллан, Томас Манн и др., – и все либо было уничтожено, либо лежит где-нибудь с миллионами других бумаг в Германии»⁵⁶. Однако как раз к переписке Алданова с Маклаковым это относится в незначительной степени; оригиналы писем Алданова к Маклакову за 1929–1940 гг. сохранились в фонде последнего в архиве Гугеровского института; здесь же находятся машинописные отпуски писем Маклакова. В основном письма этого периода невелики по объему, затрагивают текущие проблемы жизни эмигрантской колонии, к примеру организацию вечеров с целью сбора средств в пользу И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, иногда обмен мнениями (скорее репликами) по «горячим» политическим вопросам. Основной массив переписки относится к периоду 1945–1957 гг., и она сохранилась практически полностью.

Первое, во всяком случае, первое дошедшее до нас, письмо Алданова к Маклакову датировано 22 апреля 1929 г. Это, собственно, короткая благодарственная записка по случаю присланной Маклаковым статьи. И в первых же строках сформулирована, пожалуй, самая сложная проблема корреспондентов Маклакова и будущих публикаторов его эпистолярного наследия:

«Искренно Вас благодарю за присылку Вашей блестящей статьи и за надпись, в которой, впрочем, я не разобрал ни слова, несмотря на долгие усилия»⁵⁷.

27 лет спустя Алданов писал:

«Получил почти одновременно два Ваши письма. Не сердитесь на меня, но как же мне этого не сказать? Ни утром в пасмурную ноябрьскую погоду, ни при самой сильной, во сто свечей, нашей электрической лампе, я больше почти ничего не разбираю! Такая радость – получать от Вас письма, и такая досада, когда, прочитав первые десять строчек (первые почти всегда разбираю), перестаю понимать, стараюсь, по отдельным строчкам или даже словам, понять хоть о чем идет речь!»⁵⁸

Подобными сетованиями постоянно сопровождается переписка «рукописного периода». Приведем некоторые типичные образцы:

«Не буду повторять свой вечный “рефрэн”: не разобрал. Кое-что все-таки прочел, и то хорошо»⁵⁹.

«Мы очень встревожены Вашим сообщением на второй странице о Марье Алексеевне. Оно неразборчиво, я, в частности, плохо разобрал слова “все потеряли голову” и следующие за ними. Но не трудитесь отвечать, – Вам, разумеется, не до того, – напишу сейчас Титову и по-

прошу его сообщить мне, как Марья Алексеевна и что именно сказал Зёрнов»⁶⁰.

Характерно, что Алданов за разъяснениями собирается обратиться не к Маклакову, а к другим людям, – и дело здесь, очевидно, не только в нежелании тревожить своего друга: ведь письмо будет написано тем же почерком! Правда, в этом случае Маклаков поспешил продиктовать разъяснения машинистке:

«Сегодня утром из офиса послал Вам письмо, торопился, чтобы не поддерживать Вашего напрасного беспокойства, вызванного в конце концов моим почерком, надеялся, что Вы разберете в этом письме по крайней мере самое главное, т. е. “потерю голоса”, а не головы»⁶¹.

Алданов, при всей его корректности, почти в каждом письме продолжает сетовать на то, что не разобрал в письме Маклакова значительной части, а то и вовсе не понял его смысла:

«На этот раз многого не разобрал в Вашем письме, – извините, что не отвечаю, если в нем были вопросы? По-видимому, их не было, оно главным образом о Керенском?»⁶²

«На этот раз» можно было бы назвать преуменьшением года, ибо эти «разы» продолжали повторяться с завидной регулярностью – а именно с той, с какой приходили рукописные послания Маклакова:

«Я в Вашем письме, несмотря на все старания, не разобрал, что именно Вы в его книге прочли “с ужасом” (“рассказ о последних годах”... Чего? Или кого?)»⁶³.

«Я Ваши письма всегда читаю три раза: в первый раз “начерно”, пытаюсь разобрать основное содержание, а дальше уже разбираю, как могу и далеко не всегда удачно, каждую строку. Теперь при первом чтении взволновался: Вы пишете в 5 часов утра и говорите, что письмо “довольно неожиданное по содержанию”? Потом долго разбирал, большую часть разобрал, но не совсем понял. Вы приводите в порядок бумаги, но ч т о Вы хотите с ними делать? И п о ч е м у это Вас тревожит? И могу ли я чем-либо тут Вам помочь? Я с радостью сделаю все возможное. Тронут тем, что Вы обратились ко мне. Кое-что все-таки не разобрал, – не главное ли? Это м е н я немного беспокоит. Пожалуйста, если я главного не понял, напишите только одну страницу, – пока у Вас рука не устает, я кое-как разбираю»⁶⁴.

Наконец, в одном из последних писем:

«Вы правильно угадали причину того, что я не писал Вам со дня Ваших именин: действительно, я ничего не разобрал в предпоследнем Вашем письме и почти ничего, кроме 3–4 строк, в только что полученном. Просто не знаю, что делать: как отвечать, когда не знаешь, на что?»⁶⁵

Иногда Алданов возвращал письма Маклакову, чтобы тот отдал перепечатать или переписал, предположительно более разборчиво, ту или иную страницу. После получения одного из таких возвращенных

текстов, Маклаков признался: «Теперь почерк так испортился, что я сам не разбираю, что написал»⁶⁶.

Алданов среди корреспондентов Маклакова был, разумеется, не одинок. Ариадна Тыркова сетовала, что ей трудно разбирать маклаковские «мушинные лапки»⁶⁷ и нередко отвечала на его письма, уловив лишь их общий смысл⁶⁸. Роман Гуль сравнивал почерк Маклакова с иероглифами⁶⁹. Подобные высказывания и сравнения можно найти у любого из корреспондентов Маклакова.

Да что корреспонденты! Сам Василий Алексеевич частенько не мог разобрать им написанное. Он признавался: «Первого почерка своего я сам не разбираю и должен сначала с него сам для переписывания переписывать»⁷⁰.

Однажды Маклаков пытался «для работы» найти какие-то сведения в своем дневнике, который он вел в бытность послом с июля 1917 по ноябрь 1924 г., и пришел к выводу, «что и сам плохо в нем разбираюсь, и что надо бы его переписать»⁷¹. Н.Н. Берберова, пытавшаяся читать дневник Маклакова в Гуверовском архиве, писала, что он «неразборчив на 80%, иногда непонятно даже, на каком языке написаны отдельные страницы – на русском или французском». Это, пожалуй, едва ли не единственное утверждение, с которым можно согласиться в ее состоящей из ошибок, а местами намеренно лживой книге⁷².

Более чем прав был Алданов, когда писал:

«Ох, много будет трудиться Ваш биограф, “читая” Ваши письма в архивах. Вы оказываете ему плохую услугу, – я помню, как интересны и ценны были Ваши письма, переписанные на машинке»⁷³.

«Расшифровка» (впрочем, это слово в данном случае можно употребить и без кавычек) собственноручных писем Маклакова являлась, пожалуй, наиболее сложной задачей при подготовке данной публикации. По счастью для его корреспондентов – и для историков – большинство писем Маклакова – диктовки секретарю или его сестре Марии Алексеевне, или же перепечатки с автографов, выполненные лицами, научившимися за десятилетия разбирать его почерк и имевшими возможность обратиться к нему самому за разъяснениями. В частности, сотрудницей Офиса по делам русских беженцев Е.Н. Штром. Однако временами, когда «переписчица» (как тогда называли машинистку) была в отпуске или болела сестра, Маклаков писал письма от руки. В 1950-е гг. эти ситуации возникали все чаще, сестра тяжело болела, неоднократно попадала в больницу или находилась в доме отдыха. В результате – большая часть писем Маклакова 1950-х гг. написана от руки.

Должен признаться: поначалу я недооценил «масштаб бедствия», т. е. объем рукописных текстов Маклакова. В основу публикации я собирался положить тексты, находящиеся в фонде Маклакова в Гуверовском архиве: здесь практически полностью сохранились письма

Алданова и машинописные отпуски писем Маклакова. Было понятно, что некоторая часть писем написана Маклаковым от руки, но их, рассуждая логически, должно было быть приблизительно столько же, сколько писем Алданова за определенный период, по принципу: письмо – ответ. Кроме того, физически писем Маклакова в Бахметевском архиве, судя по описи, должно было быть существенно меньше. Если в фонде Маклакова в Гуверовском архиве переписка с Алдановым занимает целую коробку, то в Бахметевском только часть стандартной архивной коробки, наряду с письмами 11 других корреспондентов. При этом в той же коробке находятся письма Е.Д. Кусковой, с которой Алданов вел довольно интенсивную переписку. Было как будто очевидным (да и помнилось по одному из «набегов» на Бахметевский архив), что существенная часть текстов – это машинописные оригиналы писем Маклакова.

Однако когда автор этих строк занялся подготовкой публикации вплотную, он горько пожалел о собственном легкомыслии. Среди моих бумаг сохранился листок с панической записью, сделанной в читальном зале Бахметевского архива: «письма Маклакова – 30 тонких папок, 90% – рукописные, чудовищные». В смысле – написанные рукою Маклакова, его чудовищным почерком. Кроме того, оригиналы его машинописных писем (сохранившиеся в фонде Алданова далеко не полностью) были испещрены рукописными дополнениями, иногда довольно существенными по объему. Но это был не конец истории: в описи фонда Алданова почему-то не значилось, что письма Маклакова имеются не только в 5-й, но и в 6-й коробке! А там обнаружилось еще 11 папок, из которых, правда, в 5 папках находились отпуски писем Алданова, в том числе нескольких отсутствовавших в Гуверовском архиве. «Зато» среди 6 папок писем Маклакова две содержали только фрагменты писем; некоторые фрагменты удалось «склеить» и восстановить тексты полностью, большинство восстановлению не поддаются. Наиболее содержательные фрагменты, тем не менее, включены в настоящую публикацию. Кроме того, при сплошном просмотре фонда Алданова мною были обнаружены еще несколько рукописных писем Маклакова, находившихся в ранее закрытой части собрания Алданова. Добавлю, что подавляющее большинство рукописных писем не датированы, а конверты не сохранились.

Письма Маклакова Алданову выходили за пределы «обмена мнениями». Для Маклакова это была своеобразная форма дневника, способ как-то зафиксировать свои «труды и дни», от размышлений о следе, который он оставил в истории (самооценка Маклакова невысока, но это как раз случай «уничтожения паче гордости»; типично для него сравнение своей жизни с «фейерверком»: если это и так, то фейерверк был более чем ярок и, рискуя впасть в литературщину, замечу, что его ис-

кры долетели до наших дней) до рассказа о флирте со случайными знакомыми на курорте. Алданов в последние годы был для него душевно самым близким человеком, и с ним он не стеснялся делиться самыми сокровенными мыслями, так же как бытовыми деталями. Делился – без особой надежды, что корреспондент разберет его текст.

Как бы то ни было, отступать было некуда: надо было как-то расшифровывать маклаковскую «клинопись». Теоретически ничего невозможного в этом не было: помню, как на мои сетования на маклаковский почерк «на заре» моих занятий его биографией в середине 1990-х гг. С.В. Утехин во время одной из наших прогулок по Менло-парку (городок, соседствующий со Стэнфордским университетом), заметил: «Ничего страшного, расшифровали же египетские иероглифы». В принципе верно, но посвятить себя полностью дешифровке этих «новых иероглифов» мешали разного рода обязанности.

Попытки найти специалистов по сложным почеркам успехом не увенчались: точнее, специалисты находились, и даже брались за работу по переводу писем с маклаковского на русский, но во всех случаях финал был одним и тем же: тексты возвращались со словами «жизнь у меня одна». Оставалась последняя надежда; надежду звали Лизой. Лиза – моя жена; она врач, и на первый взгляд далека от предмета моих занятий. Однако же надежду вселяли следующие обстоятельства: Лиза собственноручно набрала большую часть опубликованных мною ранее текстов Маклакова и его корреспондентов, и иногда разбирала встречавшиеся в машинописных текстах рукописные дополнения и пометки Маклакова; это включало и год работы в Гуверовском архиве в период нашего годовичного пребывания в Стэнфорде по стипендии Фонда Фулбрайта. А также опыт работы в других зарубежных архивах – в Оксфорде, Париже и, конечно, в Бахметевском архиве в Нью-Йорке. Лиза вполне ориентировалась в теме, что было важно для понимания смысла писем. Наконец, моя жена (возможно, это синдром отличницы, окончившей школу с золотой медалью в те времена, когда не только деревья были большими, но и медали настоящими) не понимает, как можно не решить поставленную задачу: касается ли это в прямом смысле высшей математики или же чего-либо другого, не столь возвышенного. У этой черты характера есть и оборотные стороны, но в данном случае это к делу не относится.

Конечно, поначалу мне пришлось выслушать от жены много интересного о моей идее привлечь ее к реализации публикаторского проекта, так же как о почерке нашего героя. Возможно, именно потому, что герой в самом деле был «наш» – ибо «Вася» за 20 лет занятий его биографией и подготовки к публикации его литературного, преимущественно эпистолярного, наследия стал едва ли не членом семьи, Лиза постепенно начала расшифровывать его тексты. Это происходило

урывками, в зависимости от ситуации на работе, в самолете, на пляже, на кухне. Вряд ли кому-нибудь на пляже, скажем, в Будве могло прийти в голову, что девушка, что-то черкающая на бумажке в перерывах между купаниями, занимается не решением кроссворда, а расшифровкой архивного документа! Разумеется, работа велась с ксерокопией, а не оригиналом. Работа заняла несколько лет. Чтобы дать представление о некоторых особенностях почерка Маклакова: он нередко не дописывал слова, видимо, полагаясь на сообразительность собеседника; одни и те же знаки обозначали у него разные буквы. С годами, видимо, вследствие артроза, почерк становился хуже. Теперь Лиза читает эти немыслимые тексты «с листа», хотя, увы, некоторые слова так и не удалось одолеть.

Так что наиболее распространенным сокращением в публикуемом тексте будет нрзб. Мы не можем похвалиться тем, что разобрали все в рукописных письмах Маклакова. Однако, несомненно, читатели этой книги будут знать о содержании писем Маклакова существенно больше, чем их адресат.

Все письма печатаются полностью, без каких-либо изъятий и сокращений. С этической точки зрения право на такую публикацию сомнений не вызывает. Сошлюсь на Алданова: «Всю нашу с Вами переписку я, согласно Вашему разрешению, передал в з а п е ч а т а н н о м конверте в Бахметевский архив, с указанием, что она может быть использована для печати либо с нашего разрешения, либо после нашей смерти»⁷⁴. Таким образом, корреспонденты, сдавая переписку в архивы, предполагали – и, смею предположить, рассчитывали, – что ею воспользуются будущие историки.

Тексты писем приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, однако публикатор стремился в то же время сохранить «аромат эпохи» и своеобразие авторского стиля и поэтому оставил некоторые «неправильности» с точки зрения современного русского языка, вроде написания названий месяцев с прописной буквы, названий газет и журналов без кавычек, написания некоторых фамилий и т. п.

Очевидные опiski исправлены без специальных оговорок. В тех случаях, когда в тексте встречаются явные смысловые противоречия или очевидные погрешности стиля, в квадратных скобках указывается «так!» или «так в тексте». Воспроизведенные публикатором отдельные слова, части слов, сокращения, имена, фамилии заключены в квадратные скобки. Слова, выделенные корреспондентами, подчеркнуты в тексте; вписанные от руки выделены курсивом. Дабы не загромождать текст обилием скобок, часто встречающиеся сокращения имен, фамилий, названий органов периодической печати, организаций раскрываются только при первом упоминании. Все они включены в список со-

кращений. Не раскрываются также общепринятые (во всяком случае, понятные любому грамотному читателю) сокращения.

В настоящую публикацию нами включены некоторые письма друзей и постоянных корреспондентов Маклакова и Алданова, им адресованные, а также их письма другим лицам, позволяющие лучше понять контекст и смысл их переписки друг с другом. Это относится прежде всего к 1945 г. – письма Алданова и Маклакова к Б.И. Элькину, обмен письмами между Маклаковым и А.Ф. Керенским, «циркулярное» письмо Алданова А.А. Титову относительно посещения «группой Маклакова» советского посольства. Иногда Маклаков и Алданов пересылали друг другу копии своих писем к другим лицам или выписки из писем других лиц к ним. Эти тексты также публикуются в настоящем томе.

Тексты писем снабжены комментариями. При комментировании публикатор руководствовался принципом: подробнее о малоизвестных событиях или малоизвестных персоналиях, минимально – о достаточно известных. При подготовке комментария нами использовались, наряду с исследовательской литературой, различные справочные издания, среди которых особенно полезными (можно сказать, незаменимыми) были «Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской» (М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010) и подготовленные под руководством Олега Коростелева сайты, содержащие сведения об эмигрантских периодических изданиях, а также оцифрованные полнотекстовые версии некоторых из них: <http://www.emigrantica.ru/> и <http://www.emigrantika.ru/>

* * *

В заключение считаю приятной обязанностью выразить благодарность людям и организациям, без содействия которых данная публикация была бы невозможной, – прежде всего сотруднику архива Гугверовского института Анатолию Шмелеву и куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой.

Моя искренняя признательность Валери Познер (Париж), сумевшей разобрать франкоязычные фразы и отдельные слова в письмах Маклакова. Ей принадлежит большинство переводов французских текстов на русский язык.

Я искренне благодарен Мартину Байсвенгеру (Москва) выполнившему переводы немецкоязычных фраз и оборотов или указавшему на существующие переводы немецких классиков, цитируемых в переписке.

Моя искренняя благодарность коллегам, оказавшим разного рода содействие, в том числе предоставление разного рода материалов и наведение библиографических справок: Ирине Альтер (Мюнхен), Татья-

не Ворониной, Владиславе Гайдук (Москва), Ричарду Дэвису (Лидс), Олегу Коростелеву, Елене Кривцовой (Москва), Ирине Махаловой (Берлин), Альберту Ненарокову (Москва), Ивану Толстому (Прага), Манфреду Шрубе (Бохум).

Публикатор признателен Российскому гуманитарному научному фонду и Научному фонду Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», чья финансовая поддержка позволила подготовить книгу к печати.

Наконец, моя неизменная благодарность Лизе Будницкой, без помощи которой эта публикация не могла бы состояться.

О.В. Будницкий

¹ См.: *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоков // Новый журнал. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *он же.* Маклаков и Милоков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *он же.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1 (19). С. 42–94; *он же.* Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; *он же.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3-х т. / ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. Т. 1. Август 1919 сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001. С. 16–114; *он же.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179–240; О сословном и национальном вопросе в императорской России: Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметеву от 4 июля 1923 г. / вступ. ст., публ. и комм. О.В. Будницкого // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 275–297; В.А. Маклаков и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 203–232; В.А. Маклаков и В.В. Шульгин. Друзья-противники // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / сост., вступ. ст., комментарии О.В. Будницкого. М., 2011. С. 5–42; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; и др.

² *Grabowska Y.* The problem of historical destiny in the works of M.A. Aldanov. Toronto, 1969; *Lee C.N.* The novels of M.A. Aldanov. The Hague, Mouton, 1969; *Ли Н.Ч.* Марк Александрович Алданов: Жизнь и творчество // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. VIII. С. 95–104; *Щедрина Н.М.* Проблема поэтики исторического романа русского зарубежья (М. Алданов, В. Максимов, А. Солженицын). Уфа, 1993; *Макрушина И.В.* Романы М. Алданова: философия истории и поэтика. Уфа, 2004; *Шадуровский В.В.* Об изучении творчества Марка Алданова // Вестник

Новгородского государственного университета. 2005. № 33. С. 72–76; *Рогачевская Е.* Марк Алданов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 104–119. Творчеству Алданова был посвящен ряд диссертаций: *Матеева О.В.* Историческая проза Марка Алданова: Философия истории, типология характеров, жанровые формы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999; *Рыжкова Н.С.* Концепция человека в «философии случая» Марка Алданова. Дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1999; *Лагашина О.* Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепций. Дисс. по гуманитарным наукам. Таллинн, 2009; и др. Наиболее полная, хотя не исчерпывающая, библиография произведений Алданова: *Cristesco D., Cristesco H.* Bibliographie des oeuvres de Marc Aldanov. Paris, 1976.

³ *Алданов М.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1991–1993; *он же.* Сочинения: в 6 кн. М.: Новости, 1994–1996; *он же.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2007.

⁴ Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 46 (предисловие А.В. Сыпченко).

⁵ См.: *Алданов М.А.* Из воспоминаний секретаря одной делегации // Последние новости. 1930. 20 апреля. С. 2–3; 1930. 26 апреля. С. 2–3; 1930. 22 мая. С. 2–3.

⁶ Трудовая народно-социалистическая партия. С. 48, 430, 508–509.

⁷ *Алданов М.А.* К 80-летию В.А. Маклакова // *Маклаков В.А.* Речи. Париж, 1949. С. 12.

⁸ *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1187–1193.

⁹ *Jonston Robert H.* «New Mecca, New Babylon»: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston and Montreal, 1988. P. 166, 222.

¹⁰ *Седых А.* Загадка В.А. Маклакова // Новое русское слово. 18 марта 1945. С. 2.

¹¹ *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969. С. 331–333; *Любимов Л.* На чужбине. Ташкент, 1979. С. 215–218, 295–297.

¹² Hoover Institution Archives (далее HIA), Stanford University. Maklakov Collection (далее Maklakov). Box 22. Folder 14 (далее первая цифра обозначает номер коробки, вторая папки).

¹³ HIA. Maklakov. 22–16.

¹⁴ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945 // Наст. изд., с. 105.

¹⁵ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 15 декабря 1944 // Наст. изд., с. 85; *Седых А.* Указ. соч.

¹⁶ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 25 мая 1945 // Наст. изд., с. 105.

¹⁷ Из письма посла СССР во Франции А.Е. Богомолова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову, 4 апреля 1945 // Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940: Сб. документов в двух книгах. М., 1998. Кн. 2. С. 582.

¹⁸ Маклаков В.А. – Алданову М.А., 30 января 1946 // Наст. изд., с. 161.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 222.

²¹ Берлин П.А. — Вишняку М.А., 6/числа, 1945 // НИА. Mark Vishniak Collection. Box I-D.

²² Маклаков В.А. — Алданову М.А., 25 мая 1945 // Наст. изд., с. 105.

²³ НИА. Maklakov. 19—31.

²⁴ Судьба П.Д. Долгорукова // Социалистический вестник. 1945. 10 ноября. № 19—20. С. 226.

²⁵ Вольский Н.В. — Николаевскому Б.И., 20 июня 1959 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 508-2. Алданов делился нерадостными впечатлениями на одном из собраний кружка, в который входили, кроме него, Н.В. Вольский (Валентинов), Б.И. Николаевский, В.М. Зензинов, Г.П. Федотов, И.Г. Церетели. Кружок собирался недолгое время в начале войны у И.И. Фондаминского.

²⁶ Гольденвейзер А.А. Григоровичу-Барскому Д.Н., 5 марта 1943 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее BAR). Columbia University. Alexis Goldenweiser Collection. Box 8.

²⁷ Алданов М.А. Керенскому А.Ф., 1 декабря 1940 // BAR. Aldanov Collection. Box 5.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Алданов М.А. Маклакову В.А., 18 апреля 1945 // Наст. изд., с. 95.

³¹ См. подробнее: *Будницкий О.В.* «Не погибать же всей зарубежной русской литературе»: к истории создания «Нового журнала» // Периодическая печать российской эмиграции. 1920—2000. М., 2009. С. 132—147.

³² В английском переводе книга называлась «Пятая печать»: The Fifth Seal. Translated by Nicholas Wreden. New York: C. Scribner's sons, 1943.

³³ Алданов М.А. Маклакову В.А., 18 апреля 1945 // Наст. изд., с. 96.

³⁴ *Яновский В.С.* Поля Елисейские. СПб., 1993. С. 140—141.

³⁵ Там же. С. 143.

³⁶ Алданов М.А. Маклакову В.А., 20 июля 1945 // Наст. изд., с. 133.

³⁷ Алданов М.А. Вишняку М.В., 12 июля 1945 // НИА. Vishniak. 1-12.

³⁸ Алданов М.А. Керенскому А.Ф., 6 марта 1945 // BAR. Aldanov. Box 5.

³⁹ Алданов М.А. Керенскому А.Ф., 6 марта 1945 // BAR. Aldanov. Box 5.

⁴⁰ Подробнее о визите, его причинах и обстоятельствах, так же как о «группе Маклакова» см.: *Будницкий О.В.* Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179—240.

⁴¹ Набоков В.В. — Зензинову В.М., 17.III.1945 // В.В. Набоков. Pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 78 (публикация Г.Б. Глушанок).

⁴² Вишняк М.В. Николаевскому Б.И., 10 августа 1945 // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. 506-35 (цит. по: *Будницкий О.В.* Попытка примирения. С. 235).

⁴³ *Маклаков В.А.* Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая. С. 1, 4.

⁴⁴ См. подробнее: *Будницкий О.* 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243—311.

⁴⁵ Маклаков и Алданов переписывались, разумеется, не только между собой. В фонде Маклакова переписка с различными деятелями русской эмиграции занимает 14 коробок из 36, в фонде Алданова 15 из 37. В обоих случаях это ценнейший источник по истории политической, культурной и интеллектуальной жизни эмиграции. Эпистолярное наследие обоих опубликовано лишь частично. См. «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина) // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / ред.-сост. О.В. Будницкий. — М.; Иерусалим: «Гешарим», 1999. С. 374—442; «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951: В 3-х т. / ред., вступ. ст. и комментарии О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001—2002; Политический роман в письмах: Из переписки А.В. Тырковой и В.А. Маклакова / публ. и вступит. ст. О.В. Будницкого // Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 302—320; Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / публ. О.В. Будницкого // История и историки: Историографический ежегодник. М., 2007. С. 363—394; «Деникин, несомненно, либерал по природе». Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / публ. О.В. Будницкого // История и историки: Историографический вестник. М., 2009. С. 361—370; *Будницкий О.В.* 1945 год и русская эмиграция: Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243—311; Спор о России: В.А. Маклаков и В.В. Шульгин. Переписка 1919—1939 / сост., вступит. статья и примечания О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012; *Будницкий О.В.* После Сталина: Из эмигрантской переписки 1953 года // Родина. 2012. № 7. С. 17—22; «Права человека и империи»: Письма В.А. Маклакова к М.А. Алданову / публ. О.В. Будницкого // История и историки: Историографический вестник 2009—2010. М.: Институт российской истории РАН, 2012. С. 298—315; *Будницкий О.В.* «Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лавалля». Из переписки В.А. Маклакова и М.А. Алданова // Российская история. 2013. № 4. С. 39—59; «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно»: В. А. Маклаков / публ., вступит. статья и примечания О. В. Будницкого // «Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 4. С. 111—242 (в печати); переписка В.А. Маклакова и А.В. Тырковой частично опубликована Н.И. Канищевой: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012; Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258—287; 1965. № 81. — С. 110147; *Fedoulova R.* Lettres D'Ivan Bunin a Mark Aldanov // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1981. № 22. P. 471—488; 1982. № 23. P. 469—500; Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 150. С. 159—191; № 152. С. 153—191; № 153. С. 134—172; 1984. № 154. С. 97—108; № 155. С. 131—146; № 156. С. 141—163; «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115—156; «Они служили своим идеям, и служили им с честью...»: Из политической переписки М. Алданова / публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996.

№ 6. С. 115—140; «Парижский философ из русских евреев». Письма М. Алданова А. Амфитеатрову / публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее. Вып. 22. СПб., 1997. С. 539—621; «Спасибо, что готовы поделиться сведениями»: Из переписки М.А. Алданова и Б.И. Николаевского / публ. О.В. Будницкого // Источник. 1997. № 2. С. 56—76; «...Интерес к Вам есть...» (Неосуществленные проекты поездки М.А. Алданова в Израиль и его издания на иврите) / публ. А.А. Чернышева, В. Хазана // Архив еврейской истории. М., 2011. Т. 6. С. 237—261.

⁴⁶ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 22 мая 1937 // «Права человека и империи»: Письма В.А. Маклакова к М.А. Алданову. С. 310—311.

⁴⁷ Алданов М.А. Маклакову В.А., 12 февраля 1946 // Наст. изд., с. 165.

⁴⁸ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 21 февраля 1946 // Наст. изд., с. 172.

⁴⁹ Алданов М.А. Маклакову В.А., 18 октября 1945 // Наст. изд., с. 142.

⁵⁰ Алданов М.А. Маклакову В.А., 25 января 1946 // Наст. изд., с. 159.

⁵¹ Алданов М.А. Маклакову В.А., 23 марта 1946 // Наст. изд., с. 177.

⁵² Алданов М.А. Маклакову В.А., 21 ноября 1949 // Наст. изд., с. 297.

⁵³ См.: Будницкий О.В. «Предпочитаю во много раз убийство Муссолини казни Лавалей». С. 39—59.

⁵⁴ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 22 января 1957 // Наст. изд., с. 1063.

⁵⁵ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 13 января 1955 // Наст. изд., с. 900.

⁵⁶ Алданов М.А. Маклакову В.А., 23 апреля 1950 // Наст. изд., с. 346.

⁵⁷ Алданов М.А. Маклакову В.А., 22 апреля 1929 // Наст. изд., с. 49.

⁵⁸ Алданов М.А. Маклакову В.А., 3 ноября 1956 // Наст. изд., с. 1048.

⁵⁹ Алданов М.А. Маклакову В.А., 8 апреля 1953 // Наст. изд., с. 662.

⁶⁰ Алданов М.А. Маклакову В.А., 31 января 1955 // Наст. изд., с. 912.

⁶¹ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 2 февраля 1955 // Наст. изд., с. 914.

⁶² Алданов М.А. Маклакову В.А., 31 января 1956 // Наст. изд., с. 971.

⁶³ Алданов М.А. Маклакову В.А., 10 февраля 1956 // Наст. изд., с. 975.

⁶⁴ Алданов М.А. Маклакову В.А., 31 марта 1956 // Наст. изд., с. 998.

⁶⁵ Алданов М.А. Маклакову В.А., 23 января 1957 // Наст. изд., с. 1064.

⁶⁶ Маклаков В.А. — Алданову М.А., не ранее 22 и не позднее 27 октября 1956 // Наст. изд., с. 1046.

⁶⁷ Тыркова А.В. — Маклакову В.А., 8 декабря 1943 // НИА. Maklakov. 14—20.

⁶⁸ Канищева Н.И. Введение // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 34.

⁶⁹ Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. III: Россия в Америке. М., 2001. С. 225.

⁷⁰ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 22 февраля 1952 // Наст. изд., с. 546.

⁷¹ Маклаков В.А. — Алданову М.А., 18 сентября 1954 // Наст. изд., с. 960.

⁷² Берберова Н.Н. Люди и ложь: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 11.

⁷³ Алданов М.А. Маклакову В.А., 23 января 1957 // Наст. изд., с. 1064.

⁷⁴ Алданов М.А. Маклакову В.А., 19 июля 1951 // Наст. изд., с. 442.

Список сокращений

Архивы

BAR – Mark Aldanov Collection, Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (фонд М. Алданова, Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет)

НИА – Vasily Maklakov Collection, Hoover Institution Archives, Stanford University (фонд В. Маклакова, архив Гуверовского института, Стэнфордский университет)

Во всех случаях первая цифра обозначает коробку, вторая – папку, в которой хранится то или иное письмо, например, BAR. 5–11 или НИА. 2–12.

Сокращения, используемые авторами, раскрываются, как правило, при их первом появлении в переписке. Чтобы не загромождать тексты писем квадратными скобками и не затруднять его восприятие, далее сокращения имен, фамилий, названий организаций и органов периодической печати при каждом случае не раскрываются. О ком или о чем идет речь, практически во всех случаях понятно без пояснений. Тем не менее ниже мы приводим список сокращений, постоянно встречающихся в переписке.

Персоналии

Татьяна Марковна, Т.М. – Т.М. Алданова-Ландау
А.С., А.С.А., Абр. Сам., Абрам Самойлович – А.С. Альперин
И.А., Ив. Ал., Иван Алексеевич, Б. – И.А. Бунин
В.Н., В.Н.Б., Вера Ник., Вера Николаевна – В.Н. Муромцева-Бунина
М.М., Мих. Мих., Михаил Михайлович – М.М. Карпович
А.Ф., А.Ф.К., А.Ф. Кер., А. Ф-ч, Ал. Ф-ч., А. Фед., Адр. Фед., Кер., К-й, Керен., К., Александр Федорович – А.Ф. Керенский
А.И., А. Ив., Ал. Ив., А.И.К. – А.И. Коновалов
Е.Д., Ек. Дм., Екат. Дмит., Екатерина Дмитриевна, Е.Д.К., К., Кус. – Е.Д. Кускова-Прокопович
В.А., Василий Алексеевич – В.А. Маклаков
М.А., Марья Алексеевна, Мария Алексеевна – М.А. Маклакова

Мельг., М., С.П., С. П-ч, Серг. Петр., Сергей Петрович – С.П. Мельгунов

П.Н., Павел Николаевич – П.Н. Милюков

Б.И., Б.И.Н., Б.И. Ник., Бор. Ив., Н., Никол., Борис Иванович, Бор. Иванович – Б.И. Николаевский

С.Г., С. Гр., С.Г.П., С. Григорьевна, Софья Григорьевна – С.Г. Пети (Пти) (Petit)

С.Н., С.Н. П-ч, С.Н.П., Сергей Николаевич – С.Н. Прокопович

Тер, М.М., М.М.Т., Т.П., Т., Мих. М., Михаил Матвеевич – М.М. Тер-Погосян

А.А., А.Ан., Ал. А., А.А.Т., А.А. Тит., А. А-ч, Ал. Андр., Ал. Андреевич, Алекс. Андреевич, Александр Андреевич – А.А. Титов

А.Л., Ал. Льв. – А.Л. Толстая

Б.И., Борис Исаакович – Б.И. Элькин

Периодическая печать

Нов. Жур., Н. Журнал – Новый журнал

НРС, Н.Р.С., Н.Р. Слово, Нов. Рус. Сл., Нов. Рус. Слово, Русс. Слово, Рус. Слово – Новое русское слово

РМ, Рус. Мыс., Р. Мысль, Рус. Мысль, Русск. Мысль – Русская мысль

Организации

Американский комитет – Американский комитет освобождения народов России

КОВ – Комитет объединенных власовцев

КЦАБ, Коорд. Центр, КЦ, К.Ц., К. Центр, Координационный центр – Координационный центр антибольшевистской борьбы

КЦОНВ – Координационный центр освобождения народов России

НТС – Народно-трудовой союз

РНД – Российское народное движение

МАКЦ – Международный антибольшевистский координационный центр

СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России

СОНР – Совет освобождения народов России

ЦОПЭ – Центральное объединение послевоенных эмигрантов

Государственные учреждения

Мин. Ин. Дел, М.И.Д. – Министерство иностранных дел

Мин. Вн. Дел – Министерство внутренних дел

Письма